

Дело «Мосли (Mosley) против Соединенного Королевства»¹

(Жалоба № 48009/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 10 мая 2011 г.³

По делу «Мосли против Соединенного Королевства» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в составе:

Леха Гарлицкого, *Председателя Палаты*,

Николаса Братцы,

Лилины Мийович,

Давида Тора Бьйоргвинссона,

Пяиви Хирвеля,

Леди Бианку,

Небойши Вучинича, *судей*,

а также при участии Лоуренса Эрли, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 11 января 2011 г. и 12 апреля 2011 г.,

вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 48009/08), поданной 29 сентября 2008 г. в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) британским подданным Максом Руфусом Мосли (Max Rufus Mosley) (далее – заявитель).

2. Интересы заявителя представляла находящаяся в г. Лондон адвокатская фирма (солиситоров) «Колльер Бристол» (Collyer Bristow LLP). Интересы властей Соединенного Королевства представлял

¹ Единственно официальными текстами постановлений Европейского Суда по правам человека являются тексты на французском и английском языках. Перевод на русский язык не налагает каких-либо обязательств на Совет Европы и Европейский Суд по правам человека.

© «Бюллетень Европейского Суда по правам человека».

² Перевод с английского к.ю.н. М.Т. Тимофеева.

³ Постановление вступило в силу 15 сентября 2011 г. (*прим. научного редактора*).

их уполномоченный представитель Д. Уолтон (D. Walton), сотрудник Министерства иностранных дел и по делам Содружества.

3. Заявитель утверждал, что власти Соединенного Королевства не выполнили свои позитивные обязательства по гарантированию его права на уважение частной жизни, предусмотренные статьей 8 Конвенции, взятой отдельно или в сочетании со статьей 13 Конвенции.

4. 20 октября 2009 г. Европейский Суд решил уведомить власти Соединенного Королевства о жалобе. Было также принято решение об одновременном рассмотрении жалобы по вопросу приемлемости и по существу в соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции.

5. И заявитель, и власти государства-ответчика представили письменные замечания (подпункт «b» пункта 2 правила 54 Регламента Европейского Суда). Также были получены письменные замечания от третьих сторон, которые получили соответствующее разрешение от Председателя Палаты (пункт 2 статьи 36 Конвенции и подпункт «a» пункта 3 правила 44 Регламента Европейского Суда): «Гардиан Ньюз энд Мидиа Лимитед» (Guardian News & Media Ltd), Ассоциация медиа-юристов (The Media Lawyers' Association) и «Файнерс Стивенс Инносент» (Finers Stephens Innocent) от имени Инициативы правовой защиты прессы (Англия) (The Media Legal Defence Initiative), благотворительная организация «Индекс он Ценсоршип» (Index on Censorship), Международная ассоциация медиа-юристов (The Media International Lawyers' Association), Совет европейских издателей (European Publishers' Council), Центр защиты прав средств массовой информации (Россия), Румынский хельсинкский комитет (Romanian Helsinki Committee), Фонд программы доступа к информации (Болгария) (The Bulgarian Access to Information Programme (AIP) Foundation), организация «Глоубал Уитнесс» (Global Witness) и Ресурсный центр медиа-права (США) (Media Law Resource Centre).

6. Открытое слушание по делу состоялось 11 января 2011 г. во Дворце прав человека в Страсбурге (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В слушании приняли участие:

(a) от властей Соединенного Королевства:

Д. Уолтон, *Уполномоченный Соединенного Королевства при Европейском Суде по правам человека*,

Дж. Иди (J. Eadie), *королевский адвокат, юрист*,

А. Дживс (A. Jeeves), *советник*;

(b) от заявителя:

лорд Пэнник (Lord Pannick), *королевский адвокат*,

Д. Шерборн (D. Sherborne), *юрист*,

М. Мосли, *заявитель*,
Д. Кроссли (D. Crossley),
Т. Лоулес (T. Lowles), *солиситоры*.

Европейский Суд заслушал выступления Дж. Иди и лорда Пэнника и их ответы на вопросы, заданные Европейским Судом.

7. 1 февраля 2011 г. Европейский Суд изменил составы Секций (пункт 1 правила 25 Регламента Европейского Суда), однако настоящее дело рассматривала Палата, сформированная из судей, входивших в состав прежней Четвертой Секции.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1940 году и в настоящее время проживает в Монако.

9. 30 марта 2008 г. выходящая по воскресеньям газета «Ньюз оф зе уорлд» (*News of the World*), принадлежащая компании «Ньюз Груп Ньюспейперс Лимитед» (*News Group Newspapers Limited*), разместила на первой странице выпуска статью под названием «Босс “Формулы-1” принял участие в идиотской нацистской оргии с 5 проститутками». Статья начиналась с предложения: «Руководитель гонок “Формула-1” Макс Мосли сегодня проявил себя как скрытый садомазохистский секс-извращенец». Несколько страниц внутри газеты также были посвящены этому случаю и включали фотографии, взятые из видеозаписи, сделанной тайно одной из участниц сексуальной игры, которой за это предварительно заплатили. Фотографии и часть видеозаписи были также размещены на сайте газеты, откуда они попали на другие сайты в сети «Интернет». Бумажный выпуск газеты предлагал читателям посмотреть видеозапись, для чего в газете был опубликован адрес сайта.

10. Позже в тот же день юристы заявителя направили в газету «Ньюз оф зе уорлд» жалобу относительно размещенной в сети «Интернет» видеозаписи. На следующий день, 31 марта 2008 г., видеозапись была удалена с сайта, и газета взяла на себя обязательство не публиковать видеозапись вновь без предварительного двадцатичасового уведомления. Такое уведомление было направлено заявителю письмом от 3 апреля 2008 г. и передано по факсу в тот же день в 13 часов 19 минут.

11. Видеозапись, размещенная на сайте, была просмотрена более 1,4 миллиона раз в течение 30 и 31 марта 2008 г. Статья на сайте газеты была просмотрена 400 000 раз в течение того же периода времени. Бумажная версия газеты «Ньюз оф зе уорлд» имеет средний тираж более трех миллионов экземпляров.

12. 4 апреля 2008 г. заявитель подал иск против «Ньюз Груп Ньюспейперс Лимитед» (*News Group*

Newspapers Limited), требуя возмещения причиненного вреда в связи с распространением конфиденциальной информации и вторжением в частную жизнь. Хотя заявитель не опроверг факт своего участия в сексуальной игре, он опроверг утверждение газеты о том, что первая имела характер ролевой игры с нацистскими мотивами. Он также просил суд запретить газете «Ньюз оф зе уорлд» размещать видеозаписи на сайте в сети «Интернет».

13. 6 апреля 2008 г. в газете «Ньюз оф зе уорлд» был опубликован ряд новых статей о сексуальных похождениях заявителя.

14. 9 апреля 2008 г. судья Высокого Суда Дэвид Иди отклонил требование заявителя о судебном запрете, поскольку соответствующие материалы более не носили частный характер в связи с их широким распространением в печатном виде и в сети «Интернет».

15. Оценивая подход, который надлежало избрать суду в отношении вопроса о запрете, судья Д. Иди отметил, что при решении любого дела, в котором заявитель требует предотвратить публикацию на основании предполагаемого нарушения прав, гарантированных статьей 8 Конвенции, и в котором эти права вступают в конфликт с правами других лиц, прежде всего, правами средств массовой информации на свободу выражения мнения, следует принимать во внимание следующие принципы:

«28. ...i) ни одно предусмотренное Конвенцией право как таковое не имеет преимущества перед другим;

ii) в случае возникновения конфликта между ценностями, защищаемыми положениями статей 8 и 10 Конвенции, “основное внимание” следует уделить сравнительной значимости прав, в отношении которых заявлены требования в конкретном деле;

iii) суд должен принять во внимание причины, выдвинутые в качестве обоснования для ограничения каждого права или вмешательства в его осуществление;

iv) наконец, в отношении каждого права необходимо применить критерий пропорциональности».

16. Он продолжил:

«29. В настоящем деле, без сомнения, права г-на Мосли, предусмотренные статьей 8 Конвенции, вступают в конфликт с правами ответчика, предусмотренными статьей 10 Конвенции. Один из вопросов, на который необходимо дать ответ, состоит в том, может ли г-н Мосли в настоящее время располагать разумным ожиданием приватности в отношении информации, содержащейся в видеозаписи, принимая во внимание все то, что произошло после первоначальной публикации».

17. Судья Д. Иди установил, что в деле отсутствовал публичный интерес в публикации фотографий, достаточный для того, чтобы перевесить

*prima facie*¹ право заявителя не подвергаться пагубному и унижительному воздействию, связанному с их неоднозначным характером. Он указал:

«30. ...Единственная причина, вызывающая сейчас интерес к этим фотографиям, это их умеренно непристойный характер и то, что поведение изображенных на них лиц способно вызвать усмешку. В той мере, в которой публика вообще имела какое-либо право узнать о сексуальных вкусах г-на Мосли, вопрос полностью исчерпал себя со времени первой публикации в газете “Ньюз оф зе уорлд”. В настоящее время нет никакого легитимного интереса, которому могла бы соответствовать повторная публикация видеозаписи на сайте ответчика в сети “Интернет”».

18. Однако в том, что касается разумного ожидания приватности со стороны заявителя, судья Д. Иди отметил, что соответствующий материал увидели тысячи людей по всему миру и что он по-прежнему доступен. Судья продолжил:

«33. ...Суд всегда должен быть прагматичным и осознавать практические сложности, связанные с достижением определенных целей... Тем не менее *может* создаться ситуация, в которой информация, распространение которой требуют ограничить судебным приказом, является столь широко и беспрепятственно доступной “в публичном пространстве”, что такой запрет не будет иметь никакой практической ценности.

34. Как отметил г-н Миллар [представляющий интересы “Ньюз Груп Ньюспейперс Лимитед”], если кому-то захочется найти в Интернете содержание ранее опубликованной видеозаписи, есть множество путей получить к нему доступ, независимо от какого бы то ни было приказа, которым настоящий суд может установить ограничения на содержание веб-сайта газеты “Ньюз оф зе уорлд”. Суд должен сопротивляться соблазну выступить в роли короля Кнута². Несмотря на то, что приказ может быть желателен для защиты неприкосновенности частной жизни и может быть издан во исполнение принципов, в настоящее время применяемых судами, есть ситуации, в которых такой приказ попросту не будет иметь никакой практической цели, и его можно будет охарактеризовать, используя традиционную терминологию, как *rutum fulmen*³. Суду не надлежит совершать пустых поступков».

19. Он пришел к выводу, что материалы были настолько широко распространены, что судебный приказ, о котором заявитель просил суд, не имел бы никаких практических последствий. При этом он отметил:

«36. ...Плотину определенно прорвало. Я прихожу, пусть и с некоторой неохотой, к выводу о том, что, несмотря на то, что данные материалы носят конфиденциальный характер, и нет никакого легитимного публичного интереса, оправдывающего их дальнейшую публикацию, удовлетворение требования истца об издании приказа в отношении ответчика в данный момент было бы просто бесполезным жестом. Любой, кто хочет увидеть видеозапись, может это легко сделать, и нет никакого смысла запрещать газете “Ньюз оф зе уорлд” показывать то, что уже и так доступно».

20. Видеозапись вновь появилась на веб-сайте газеты «Ньюз оф зе уорлд» вскоре после судебного решения.

21. В ходе последующих слушаний в Высоком суде, касавшихся вторжения в личную жизнь заявителя, суд заслушал показания редактора газеты «Ньюз оф зе уорлд». В том, что касается причин, по которым газета заранее не уведомила заявителя о готовившейся публикации, произошел следующий обмен вопросами и ответами:

«Вопрос: Вашей третьей причиной [отказа от направления уведомления] был страх перед промежуточным судебным запретом, и это была настоящая причина, не так ли?

Ответ: Это было наше основное опасение, да.

В: Вы опасались, что суд может выдать приказ о запрете публикации.

О: Мы рассматривали такую возможность, да....

В: Таким образом, вы осознавали, что существовала высокая вероятность того, что суд придет к выводу, имеющему промежуточный характер, что вмешательство в личную жизнь было неоправданным?

О: Это – опасность, с которой в настоящее время сталкиваются все газеты.

В: Так что же плохого в том, чтобы предоставить суду возможность принять решение? Разве не так функционируют демократические общества; одно лицо утверждает, что вмешательство в частную жизнь отсутствует, а другое говорит, что оно есть?...Нет же ничего плохого в том, что в таком случае беспристрастный судья решит дело?

О: Да, такое часто случается.

В: Однако вы не были готовы рискнуть в этом случае?

О: В этом случае нет».

22. 24 июля 2008 г. суд вынес решение по делу о вмешательстве в личную жизнь.

23. В отношении содержащихся в статье предположений о нацистской тематике ролевой секс-игры судья Д. Иди отметил, что после получения соответствующего материала его надлежащим образом не проверили на предмет наличия содержания нацистского характера, а немецкие фразы даже не были переведены. Вместо этого лица, готовившие материал, попросту исходили из

¹ *Prima facie* (лат.) – на первый взгляд, по первому впечатлению (прим. переводчика).

² Кнут Великий (995–1035) – король Дании, Англии, Норвегии и части Швеции (прим. переводчика).

³ *Rutum fulmen* (лат.) – демонстрация силы (прим. переводчика).

общего впечатления. Это судья Д. Иди счел «неудовлетворительным», принимая во внимание сокрушительные последствия, которые статья должна была повлечь для всех задетых ею лиц, а также тяжесть содержащихся в ней обвинений, в особенности обвинений в высмеивании обращения с заключенными концентрационных лагерей. Он готов был согласиться, что журналист, готовивший публикацию, а также редактор полагали, что в деле присутствовал нацистский элемент только потому, что они хотели в это верить. Он заключил:

«170. Они уверовали в это, впрочем, не в результате рационального анализа доступного им материала. Скорее, это было поспешным выводом, к которому они пришли “в целом”, как высказался г-н Турлбек [журналист]. Факторы, противоречащие этой версии, такие как отсутствие какой-либо нацистской символики, не были должным образом рассмотрены. Когда г-ну Майлеру [редактору] пришлось пересмотреть дюжины фотографий, некоторые из которых он видел до публикации, он, давая в суде свидетельские показания, вынужден был признать, что нацистская символика отсутствовала, и он, конечно, не смог указать на нечто, что бы могло обосновать предположение о “высмеивании” жертв концентрационных лагерей. К такому выводу он мог и должен был прийти до публикации. Я считаю, что это желание верить в наличие нацистской тематики и в факт высмеивания жертв Холокоста не было основано на исследовании или анализе, соответствующих требованиям “ответственной журналистики”... [В]ывод, к которому они пришли, может быть охарактеризован, по меньшей мере, как “случайный” и “опрометчивый”».

24. Судья Д. Иди далее перешел к рассмотрению вопроса о том, каким образом газета провела предварительную оценку законности обнародования материалов, которые должны были войти в статью. Он отметил, что в контексте личной жизни могли существовать различные подходы к определению того, мог ли заявитель в настоящем деле разумно рассчитывать на приватность и наличествовал ли специфический публичный интерес, могущий оправдать вмешательство в частную жизнь. Судья указал, что он не готов согласиться с утверждениями заявителя о том, что все лица, вовлеченные в принятие решения о публикации, должны были знать, что подобный материал незаконен, поскольку никакой публичный интерес не мог перевесить интересы защиты личной жизни, а также что он не может прийти к выводу, будто они в принципе с безразличием отнеслись к отсутствию или наличию в этом деле общественного интереса. Он отметил, что, несмотря на то, что они, вполне возможно, недостаточно серьезно проанализировали обстоятельства дела, а качество журналистской работы, результатом которой стала оспариваемая публикация, можно подвергнуть критике, это, тем не менее, не следует характеризовать как исклю-

чительное безразличие к вопросу о законности таких решений. Он указал:

«209. Также очевидно, что одной из основных причин того, что информация находилась “за семью печатями” до самого последнего момента, было желание избежать возможного судебного запрета на ее обнародование. Это позволяло избежать задержек в публикации и гарантировало, что потенциальный истец не озабочится иницированием судебного разбирательства в связи со вторжением в его личную жизнь. Когда же кота достали из мешка, и вторгающаяся в частную жизнь статья была опубликована, большинство людей сочли, что эта тактика не сработала. Но даже в этом случае было бы неверно отождествлять последнюю со специально или случайно совершенным деликтом».

25. Судья Д. Иди пришел к выводу о том, что публикация статьи и фотографий в газете нарушила право заявителя на неприкосновенность личной жизни. Он установил, что в сексуальной игре, в которой принял участие заявитель, нацистские мотивы отсутствовали, и, таким образом, не было публичного интереса или иного основания, оправдывающих обнародование подробностей его частной жизни в виде статьи со сопровождающими ее фотографиями.

26. Что касается возмещения вреда, судья Д. Иди отказал заявителю в его требовании взыскать с ответчика убытки, имеющие характер наказания¹, и обязал газету выплатить обычную компенсацию вреда. Он счел сомнительным подход, согласно которому функция устрашения должна быть основной (а не просто побочной) при назначении компенсации, указав, что такая функция естественным образом ассоциируется с наказанием. Он также отметил, что, если бы компенсация была присуждена физическому лицу с целью наказания ответчика, это естественным образом рассматривалось бы как незаслуженное неожиданное обогащение. Он добавил, что для того, чтобы санкции такого рода имели успех как средство устрашения, суду потребовалось бы принять во внимание финансовое состояние ответчика. Любая компенсация, подлежащая взысканию с газеты «Ньюс оф зе уорлд», должна была бы достичь столь великого размера, что она не соответствовала бы требованию пропорциональности с точки зрения реализации компенсаторной функции и могла бы оказать «охлаждающее воздействие» на свободу выражения мнений.

¹ Речь идет о концепции «punitive damages», которая состоит в возмещении убытков, размер которых чрезвычайно высок. Название связано с тем, что в основе лежит не просто идея возмещения убытков, которые понес истец в результате незаконного действия ответчика, но и наказание последнего путем взыскания с него значительной денежной суммы (*прим. переводчика*).

27. Судья Д. Иди признал, что присужденная сумма компенсации не составит адекватного средства возмещения причиненного вреда, отметив следующее:

«230. ...Я ранее особо подчеркнул, что ущерб, нанесенный репутации, не является фактором, имеющим в настоящем деле непосредственное значение, однако необходимо помнить, что убытки, присуждаемые в делах о диффамации, служат цели, достижение которой невозможно в делах о вмешательстве в личную жизнь. В то время как репутация может быть восстановлена путем взыскания соответствующих убытков в том смысле, что истцу может быть возвращено уважение, которого он добился до события, ее опорочившего, это невозможно в случае, когда вызывающая чувство стыда информация личного характера становится достоянием широкой общественности. Как хорошо известно средствам массовой информации, ущерб нанесен в момент нарушения неприкосновенности частной жизни, и если истец обращается в суд, конфуз только усиливается. Истцов, обладающих решимостью (и финансовыми ресурсами) г-на Мосли, чрезвычайно мало. Таким образом, если журналисту удастся избежать промежуточного судебного запрета, он обычно может расслабиться, осознавая, что публикация подробностей чьей-то сексуальной жизни не будет иметь для него никаких неприятных последствий, и что (как выразился в своем электронном письме от 2 апреля г-н Турлбек) новые новостные заголовки займут место прежних.

231. Несмотря на все сказанное, необходимо смирился с тем, что нарушение неприкосновенности частной жизни никогда не может быть в достаточной степени компенсировано присуждением денежного вознаграждения. Судьи не могут добиться того, что невозможно по природе вещей. Этот горький факт невозможно нивелировать простым добавлением нулей к числу, которое первым пришло на ум. Соответственно, мне представляется, что единственно правильное решение состоит в присуждении суммы, которая бы обозначала факт незаконного вмешательства в частную жизнь и при этом представляла стороне, интересы которой были нарушены, определенную компенсацию, *solatium*¹. Это все, что можно сделать в ситуации, в которой традиционный объект *восстановления* в правах отсутствует. В то же время размер компенсации не должен быть таковым, чтобы ее присуждение могло толковаться как принижение тяжести совершенного деликта или серьезности причиненного им вреда».

28. Заявителю были присуждены 60 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации вреда и около 420 000 фунтов стерлингов – в качестве возмещения судебных расходов. Судья отметил, что заявитель вряд ли преувеличивал, когда сказал, что его

жизнь разрушена. Окончательное судебное решение было вынесено против газеты.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. КОМИССИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБ НА СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

29. Комиссия по рассмотрению жалоб на средства массовой информации (далее – Комиссия) представляет собой независимый орган, учрежденный в Соединенном Королевстве с целью рассмотрения жалоб на содержание газетных и журнальных публикаций, а также соответствующих сайтов в сети «Интернет». В случае, если Комиссия удовлетворяет жалобу, она публикует решение, и соответствующие газета или журнал обязаны опубликовать это решение полностью и без промедления.

30. 18 ноября 2008 г. Комиссия признала обоснованной жалобу, поданную П. Барреллом, в которой последний утверждал, что «Ньюз оф зе уорлд» – в нарушение пункта 1 Кодекса редакторской деятельности (см. пункт 31 настоящего Постановления) – опубликовала о нем статью, содержащую неточные данные. Газета не обратилась к нему за комментариями перед публикацией материала. Рассматривая дело, Комиссия указала:

«[Комиссия] ранее утверждала, что отказ обратиться к герою публикации перед ее опубликованием – хотя последние и не является обязательным – может в определенных обстоятельствах рассматриваться как несоблюдение требований пункта 1 о принятии разумных усилий [необходимых для гарантирования точности информации]. Комиссия никогда не утверждала, что людям не должно быть предоставлено право давать комментарии по поводу публикаций, героями которых они являются, или возможность дать официальный ответ, если читателям была представлена односторонняя информация.

[Комиссия] в курсе, что газета опасалась того, что в этом деле незаслуженно будет выдан судебный приказ. Однако Комиссия считает, что это не отменяло необходимости соблюдать требования Кодекса. Учитывая характер материала и то, каким образом газета хотела его представить, включение в статью комментариев заявителя было необходимо, чтобы требования Кодекса не были нарушены....

Сообщение о предстоящей статье лицу, которого она касается, никогда не являлось абсолютным требованием. Это непрактично по целому ряду причин: часто спор о фактах отсутствует или информация безвредна, либо существуют сложности, возникающие в связи с большим количеством лиц, упомянутых в откровенной статье, либо такое правило

¹ *Solatium* (лат.) – возмещение, компенсация (прим. переводчика).

может поставить под угрозу проведение легитимных журналистских расследований. Однако в настоящем деле газета приняла неверное решение, и жалоба заявителя удовлетворена».

В. КОДЕКСЫ ПОВЕДЕНИЯ

1. Кодекс редакторской деятельности

31. Комиссия по рассмотрению жалоб на средства массовой информации наделена компетенцией утверждать и обеспечивать исполнение Кодекса редакторской деятельности (далее – Редакторский кодекс). Положения Редакторского кодекса регулярно пересматриваются и при необходимости изменяются. Пункт 1 Редакторского кодекса устанавливает, *inter alia*¹, что средства массовой информации должны прилагать разумные усилия, чтобы воздерживаться от публикации неточной, вводящей в заблуждение или искаженной информации, включая фотографии.

32. Пункт 3 Редакторского кодекса посвящен личной жизни. Во время рассматриваемых событий пункт гласил:

«3*. Частная жизнь

i) Каждый имеет право на уважение его или ее личной и семейной жизни, жилища, здоровья и корреспонденции, включая сообщения посредством цифровой связи. Редакторы должны обосновать вмешательство в личную жизнь человека, осуществленное без согласия.

ii) Недопустимо производить фотосъемку частных лиц в личных помещениях без их согласия.

Примечание: личные помещения представляют собой частную или публичную собственность, где человек может располагать разумным ожиданием приватности».

33. Пункт 10 Редакторского кодекса содержит положения, касающиеся произведения тайных записей:

«10*. Тайные записывающие устройства и ухищрения

i) Средства массовой информации не должны использовать возможности для приобретения или опубликования материалов, полученных при помощи скрытых камер или тайных подслушивающих устройств, либо посредством перехвата личных телефонных звонков, сообщений или писем, либо путем неавторизованного изъятия документов или фотографий, либо через получение доступа к хранимой в цифровой форме частной информации без согласия.

ii) Введение в заблуждение или использование ухищрений, включая агентов или подставных лиц, в принципе, может быть оправдано только в случае, если этого требует общественный интерес, а материал не может быть получен иным способом».

34. Во время рассматриваемых событий Редакторский кодекс давал следующее определение понятию «общественный интерес»:

«Действие пунктов, обозначенных символом “*”, может не распространяться на случаи, которые признаются исключительными по причине существования “общественного интереса”.

1. К вопросам общественного интереса относятся, но не ограничиваются ими, следующие:

i) установление или разоблачение преступления или серьезного проступка;

ii) охрана общественного здоровья и безопасности;

iii) предотвращение случаев введения публики в заблуждение действиями или утверждениями частных лиц или организаций.

2. Общественный интерес состоит в существовании свободы выражения мнений как таковой.

3. В случае, если средство массовой информации ссылается на общественный интерес, Комиссия по рассмотрению жалоб на средства массовой информации будет требовать от редакторов продемонстрировать, каким образом публикация служит общественному интересу.

4. Комиссия по рассмотрению жалоб на средства массовой информации также примет во внимание то, насколько доступным является или может стать соответствующий материал...».

35. Пункт 3 был изменен в октябре 2009 года, и он гласил следующее:

«В случае, если средство массовой информации ссылается на общественный интерес, Комиссия по рассмотрению жалоб на средства массовой информации будет требовать от редакторов продемонстрировать, что они обоснованно полагали, что публикация или действия журналистов, направленные на подготовку публикации, служили общественному интересу».

36. Редакторский кодекс имеет специальное приложение, цель которого состоит в предоставлении практических советов о соблюдении положений кодекса (далее – Приложение). Приложение было существенным образом пересмотрено в январе 2011 года, когда в него внесли поправки, касающиеся предварительного уведомления и «общественного интереса». Приложение содержит следующие положения о предварительном уведомлении:

«Существует широко распространенное согласие относительно того, что предварительное уведомление героев готовящихся к публикации материалов, несмотря на желательность его получения, не

¹ *Inter alia* (лат.) – в частности, среди прочего (прим. переводчика).

может – и не должно – быть обязательным. Оно [получение обязательного согласия] было бы практически неосуществимо, часто не необходимо и могло бы серьезным образом помешать проведению легитимных журналистских расследований. Однако уклонение от получения комментариев от лиц, фигурирующих в публикации, может привести к неточностям и нарушить положения Кодекса. Комиссия установила руководящие правила, помогающие решить эту непростую проблему:

1. Если сомнения в истинности материала отсутствуют, маловероятно, что уклонение от получения комментариев заинтересованных лиц до публикации приведет к нарушению правила 1 Кодекса [касающегося точности материала];

2. В случаях получения информации из одного источника (особенно анонимного) разумно предпринять попытку уточнить “иную сторону истории” до опубликования статьи...».

37. В отношении критерия «общественного интереса» Приложение указывало следующее:

«И Кодекс, и Комиссия устанавливают высокую планку для определения добросовестности утверждения о том, что по общему правилу запрещенная к публикации информация была обнародована или же сомнительные методы ее получения использованы в интересах общества. Бремя *всесторонней демонстрации* того, каким образом достигается общественный интерес, лежит на редакторе».

38. Приложение содержит подробное изложение принятых Комиссией решений по проблеме «общественного интереса» и определяет следующие ключевые вопросы:

«Можно ли было разумно полагать, что публикация или методы журналистской деятельности использовались в общественных интересах? Комиссия потребует исчерпывающего объяснения, которое сможет продемонстрировать, что в конкретных обстоятельствах такая уверенность была искренней и имела под собой прочные основания.

Если использованы тайная аппаратура, ухищрения, угрозы или финансовое вознаграждение преступникам или свидетелям, могла ли информация быть получена иным способом?

Является ли информация достоянием общественности или может ли она приобрести такой характер?

Если материал касается детей, является ли общественный интерес в его публикации исключительным?»

2. Кодекс телерадиовещания Агентства по вопросам связи

39. Деятельность вещательных компаний подпадает под действие Кодекса телерадиовещания, принятого Агентством по вопросам связи (далее – Кодекс телерадиовещания). Статья 7

Кодекса телерадиовещания касается добросовестности и гласит, *inter alia*:

«7.9. Перед трансляцией программ, основанных на фактах, включая программы о событиях, имевших место в прошлом, вещательные компании должны приложить разумные усилия, чтобы...предоставить возможность любому лицу, чье мнение было бы справедливо включить в программу, его высказать».

40. Принцип 8 Кодекса телерадиовещания касается необходимости избегать необоснованного вторжения в сферу личной жизни посредством программ или в связи с методами получения информации, в программах фигурирующей.

С. СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В СЛУЧАЯХ ОБНАРОДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

41. Английское право предусматривает ряд средств правовой защиты в случаях неправомерного использования информации личного характера. Существует возможность ходатайствовать о выдаче судебного приказа, запрещающего публикацию о личной жизни. Истец может требовать возмещения убытков, причиненных публикацией, нарушившей неприкосновенность личной жизни, включая увеличенное возмещение убытков, в случае, если дополнительные характеристики вмешательства или поведение ответчика после обнародования материала увеличили уже нанесенный вред. Альтернативным возмещением убытков средством является взыскание с ответчика прибыли, полученной им в результате нарушения. Суд также может обязать ответчика передать истцу материал, полученный в результате нарушения.

42. Дополнительная защита предоставляется Законом (Актом) о защите данных 1998 года (далее – Акт), который регулирует обработку – включая приобретение, владение, использование или обнародование – информации, касающейся физических лиц. В приложении к данному Акту сформулированы восемь принципов, обязательные для соблюдения лицами, под контролем которых находятся личные данные в Соединенном Королевстве. К этим принципам относятся следующие: личные данные должны обрабатываться законно и добросовестно; личные данные должны приобретаться только в строго определенных и законных целях; объем и характер личных данных должны быть достаточными, необходимыми и непосредственно связанными с целями их обработки; личные данные должны быть точными и актуальными; обработка личных данных должна происходить в соответствии с предусмотренными

Актом правами субъектов данных. Дополнительные требования содержатся в отношении «уязвимых личных данных», которые включают информацию о сексуальной жизни человека.

43. Однако пункт 1 статьи 32 Акта устанавливает основанное на «общественном интересе» исключение из соблюдения принципов защиты данных в случаях, когда информация используется для целей журналистики:

«На личные данные, которые используются исключительно для особых целей, действие любого положения настоящего пункта статьи не распространяется, если:

(а) данные используются лицом с целью обнародования материала публицистического, литературного или художественного характера,

(б) лицо, под контролем которого находятся данные, обоснованно полагает, что, принимая во внимание, в частности, особую важность общественного интереса в реализации свободы выражения мнений, обнародование информации служит «общественному интересу», и

(с) лицо, под контролем которого находятся данные, обоснованно полагает, что в любом случае соблюдение этого требования идет вразрез со специальными целями».

44. Статья 3 включает в число «специальных целей» «цели журналистской деятельности». Пункт 2 статьи 32 устанавливает, что исключения возможны в отношении всех принципов защиты данных, кроме седьмого принципа, который гласит о необходимости принятия должных технических и организационных мер, направленных против неавторизованной или незаконной обработки личных данных и против случайных повреждений, потери или уничтожения личных данных. Пункт 2 статьи 32 также устанавливает, что для оценки того, существовали ли разумные основания полагать, что публикация преследует общественные интересы, во внимание будет принят факт соблюдения требований кодекса поведения.

45. Статья 13 Акта предоставляет субъекту данных право требовать возмещение вреда в случае, если требования Акта были нарушены, и статья 14 Акта позволяет ему требовать исправления, удаления или уничтожения личных данных.

Д. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ СУДЕБНЫЕ ЗАПРЕТЫ

46. Правовая основа в отношении промежуточных судебных запретов была установлена в решении Палаты лордов от 5 февраля 1975 г. по делу «Америкен Саянамид Ко» против «Этикон Лимитед» (*American Cyanamid Co. v. Ethicon Ltd*) ([1975] Appeal Cases 396). В частности, суд потре-

бовал от истца, ходатайствовавшего о промежуточном судебном запрете, продемонстрировать, что он располагает «серьезными доказательствами» нарушения законных интересов. Если ответчику удастся представить такие доказательства, в компетенцию судов входит принятие решения о том, что предпочтительнее: выдача промежуточного запретительного приказа или отказ в приказе, который оставляет истцу возможность требовать возмещения причиненного ответчиком вреда. Если существовали сомнения относительно возмещения вреда как надлежащего средства правовой защиты, часто соображения сохранения *status quo*¹ перевешивали, и в результате суд выдавал соответствующий судебный приказ.

47. Правовая позиция в делах, связанных с правом на свободу выражения мнений, была впоследствии скорректирована со вступлением в силу Акта о правах человека 1998 года. Статья 12 Акта устанавливает:

«(1) Настоящая статья применяется, если суд рассматривает возможность удовлетворения требований, которые – в случае их удовлетворения – могут оказать воздействие на осуществление права на свободу выражения мнения, предусмотренного Конвенцией.

(2) Если лицо, против которого подано требование (“ответчик”), отсутствует и никем не представлено, решение против него не может быть вынесено, если суд не убедился:

(а) что истец предпринял все разумные действия по уведомлению ответчика или

(б) что существуют серьезные причины, по которым ответчик не должен быть уведомлен.

(3) Суд не вправе удовлетворить такое требование, если оно влечет запрет публикации до проведения судебного разбирательства, если только суд не считает, что, вероятнее всего, истец сможет доказать, что публикацию не стоит разрешать.

(4) Суд должен учесть особое значение предусмотренного Конвенцией права на свободу выражения мнений, а также в случаях, в которых разбирательство касается материалов, характер которых, по мнению ответчика или самого суда, является публицистическим, литературным или художественным (или поступков, связанных с таким материалом),

(а) то, в какой степени:

(i) материал стал или станет доступным для публики, или

(ii) публикация материала является или будет являться в общественных интересах;

(б) положения любого кодекса о неприкосновенности личной жизни».

¹ *Status quo* (лат.) – положение вещей (прим. переводчика).

48. Анализ влияния положений Акта о правах человека, в частности пункта 3 статьи 12, представлен в решении Палаты лордов от 14 октября 2004 г. по делу «Крим Холдингс Лимитед» и другие против Бенарджи и других» (Cream Holdings Limited and Others v. Banerjee and Others) [2004] UKHL 44. Лорд Николлс из Биркенхеда высказал мнение, что:

«15. Когда проект Акта о правах человека находился на рассмотрении в Парламенте, звучали опасения относительно возможного негативного влияния его положений на свободу средств массовой информации. Законодательство должно было предоставить формальный статус конвенционным правам, среди которых было и предусмотренное статьей 8 Конвенции право на уважение личной жизни. Основное опасение состояло в том, что при применении классического подхода, сформулированного в решении по делу «Америке Саянами Ко», в случаях поданной жалобы на нарушение прав, предусмотренных статьей 8, суды, руководствуясь мотивом сохранения *status quo*, начнут направо и налево выдавать приказы, запрещающие газетные публикации. Пункт 3 статьи 12 был добавлен, чтобы успокоить эти страхи. Основная цель состояла в усилении защиты, предоставляемой свободе слова на стадии предварительного разбирательства. Эта цель достигалась посредством установления более серьезного порога для выдачи запретительного приказа в отношении средств массовой информации, нежели предусматривали сформулированные в решении по делу «Америке Саянами Ко» критерии: «подлежащая рассмотрению серьезная проблема» и «реальная перспектива» успеха в ходе судебного разбирательства.

49. Он пришел к следующему выводу:

«22. Положения пункта 3 статьи 12 делают вероятность успеха в ходе судебного разбирательства существенным элементом, который суд принимает во внимание при вынесении решения о промежуточном запрете. Однако вероятность успеха в ходе судебного разбирательства, требуемая положениями пункта 3 статьи 12, должна быть гибким критерием и, соответственно, должна зависеть от обстоятельств конкретного дела. Не может быть единого, жесткого стандарта, применимого ко всем делам о промежуточных запретительных приказах. Скорее надлежащим толкованием положений пункта 3 статьи 12 является следующее: суд не должен выдавать промежуточный запретительный приказ, пока не убедится, что шансы истца преуспеть в ходе судебного разбирательства достаточно высоки для того, чтобы обосновать выдачу такого приказа в обстоятельствах конкретного дела. Что касается того, какая степень вероятности делает шансы истца на успех в ходе судебного разбирательства «достаточно высокими», общий подход судов должен быть таковым: судам следует воздерживаться от выдачи промежуточных запретительных приказов, если истец не убедил суд

в том, что он, скорее всего («скорее да, чем нет»¹), добьется успеха в ходе разбирательства. Это то требование, которому истец должен будет соответствовать, прежде чем суд приступит к реализации своих дискреционных полномочий, уделив надлежащее внимание соответствующей правоприменительной практике по статье 10 и иным затронутым конвенционным правам. Однако существует категория дел, в которых суду будет необходимо отойти от этого общего подхода, и менее высокий порог вероятности будет достаточен. Обстоятельства, в которых это обосновано, были указаны выше: когда характер потенциально негативных последствий обнародования информации является особо серьезным, или когда краткосрочный запрет необходим для того, чтобы у суда появилась возможность заслушать стороны и должным образом исследовать ходатайство о выдаче промежуточного запрета по делу, ожидающему рассмотрения по существу, или иную соответствующую жалобу».

50. Впоследствии в решении от 18 мая 2005 г. по делу «Дуглас и другие против “Хеллоу! Лимитед” и других» (Douglas & Ors v Hello! Ltd & Ors) ([2005] EWCA Civ 595) Апелляционный суд отметил:

«258. Безусловно, как недавно подчеркнула Палата лордов в решении по делу “Крим Холдингс Лимитед” и другие против Бенарджи и других», истцу, ходатайствующему о выдаче промежуточного запрета на публикацию, необходимо продемонстрировать соответствие его случая весьма серьезным критериям, предусмотренным положениями пункта 3 статьи 12 Акта о правах человека 1998 года».

Е. КОМИТЕТ ПАЛАТЫ ОБЩИН ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СПОРТА

51. 9 февраля 2010 г. комитет Палаты общин по вопросам культуры, средств массовой информации и спорта (далее – комитет Палаты общин) опубликовал доклад о стандартах деятельности средств массовой информации, личной жизни и клевете (2-й доклад сессии 2009–2010 года, НС 362-I). Доклад был подготовлен после получения письменных замечаний и заслушивания показаний ряда заинтересованных лиц, включая заявителя и редактора газеты «Ньюз оф зе уорлд». Отдельная глава доклада была посвящена вопросам неприкосновенности личной жизни и нарушению обязанности не разглашать конфиденциальную информацию. Что касается показаний относительно необходимости введения правила о предварительном уведомлении, доклад содержал следующее:

«82. Г-н Мосли заявил, что в его собственном деле он бы обязательно ходатайствовал перед судом о

¹ В тексте используются слова «more likely than not», которые выступают выражением стандарта доказывания в гражданско-правовых делах. Согласно этому стандарту факт считается доказанным, если вероятность того, что он имел место, составляет более 50% (прим. переводчика).

выдаче промежуточного запретительного приказа, если бы газета “Ньюз оф зе уорлд” сообщила ему о намерении опубликовать статью. Г-н Майлер [редактор газеты “Ньюз оф зе уорлд”] сообщил, что он и его коллеги это осознали: “мы знали, что г-н Мосли, скорее всего, сможет добиться запрета, и я серьезно полагал, что публикация этой статьи не должна была быть поставлена под угрозу из-за возможности выдачи запретительного приказа”.

52. Согласно информации, полученной комитетом Палаты общин, в большинстве случаев журналисты связывались с героями материалов до публикации последних. Однако комитету были также даны показания, согласно которым в ряде случаев редакторы после взвешивания рисков предпочитали не уведомлять героев статей, поскольку знали или подозревали, что за этим последуют судебные приказы, накладывающие временный запрет на публикацию таких материалов. В докладе указывалось:

«91. Очевидно, что в данной сфере предварительное уведомление в форме предоставления героям готовящихся публикаций возможности высказать свою точку зрения является нормой. Тем не менее мы были удивлены, когда узнали, что руководства, изданные Комиссией по рассмотрению жалоб на средства массовой информации, не содержат положений о предварительном уведомлении. Предоставление героям готовящихся публикаций возможности высказать свою точку зрения является важным условием непредвзятой и сбалансированной журналистики, и Редакторский кодекс должен содержать положения, непосредственно посвященные этому вопросу».

53. Комитет Палаты общин рекомендовал изменить Редакторский кодекс путем добавления положения, требующего от журналистов в отсутствие соображений об «общественном интересе» уведомлять героев их статей о готовящейся публикации, а также включить соответствующие руководства в приложение к кодексу.

54. В отношении юридически обязательно-го требования о предварительном уведомлении комитет Палаты общин заключил следующее:

«93. ...юридически обязательное или безусловное требование о предварительном уведомлении будет неэффективным, поскольку мы согласны с тем, что должно существовать исключение, связанное с “общественным интересом”. Тем не менее мы считаем, что было бы правильно подвигнуть редакторов и журналистов к тому, чтобы они прибегали к предварительным уведомлениям или предоставляли героям готовящихся критических статей возможность изложить свою версию событий, и тем самым дать судам возможность принять во внимание факт уклонения от уведомления при рассмотрении возможных исков о возмещении вреда в результате нарушения статьи 8 [Конвенции]. Мы, таким образом, рекомендуем Министерству юстиции предложить

изменения в правила гражданско-правовой процедуры, которые бы отнесли уклонение от направления соответствующего уведомления к факторам, увеличивающим размер возмещения вреда, причиненного нарушением требований статьи 8. Мы также считаем, что поправки к указанным правилам процедуры должны предусмотреть, что право требовать увеличенную компенсацию за вред отсутствует в тех случаях, когда публикация информации, относящейся к личной жизни, была произведена в общественных интересах».

III. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

A. ПРИМЕНИМЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

1. Парламентская Ассамблея Совета Европы

55. 23 января 1970 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 428, содержащую Декларацию о средствах массовой информации и правах человека. В отношении ответственного поведения средств массовой информации декларация установила, что было желательно предусмотреть:

«(а) профессиональную подготовку журналистов, которая должна находиться в ведении редакторов и журналистов;

(б) кодекс профессиональной этики для журналистов; он должен охватывать, среди прочего, такие вопросы, как распространение точных и сбалансированных сообщений, исправление ошибочной информации, проведение четкого различия между распространяемой информацией и комментариями, недопущение распространения клеветнических утверждений, уважение права на частную жизнь, уважение права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Европейской конвенции о правах человека;

(с) советы по делам прессы, полномочные расследовать и даже пресекать случаи непрофессионального поведения, с целью осуществления саморегулирования самими органами печати».

56. В декларации также было указано, что существует область, в которой осуществление права на свободу выражения мнения может вступать в противоречие с правом на уважение личной жизни, гарантируемым статьей 8 Европейской Конвенции, и что нельзя допускать, чтобы осуществление первого из этих прав наносило неоправданный ущерб последнему. Декларация установила, что право на неприкосновенность личной жизни предоставляет собой главным образом право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в нее и что оно касается личной, семейной и домаш-

ней жизни, физической неприкосновенности и духовной свободы личности, его чести и достоинства, необходимости не допускать, чтобы человека представляли в ложном свете, сохранения в тайне не имеющих отношения к делу неблагоприятных фактов, неразрешенной публикации частных фотографий, защиты от незаконного использования частной переписки, защиты от раскрытия информации, предоставленной или полученной на условиях конфиденциальности. В ней также указывалось, что право на уважение личной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции, должно защищать гражданина не только от вмешательства публичных властей, но и от вмешательства со стороны частных лиц или общественных институтов, включая средства массовой информации, и что национальное законодательство должно содержать гарантии такой защиты.

57. 26 июня 1998 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла еще одну резолюцию, Резолюцию 1165 о праве на неприкосновенность личной жизни, которая уделяла основное внимание публичным фигурам. В Резолюции отмечалось, что личная жизнь часто подвергается вторжениям, даже в странах, где имеется специальное законодательство, направленное на ее защиту, поскольку для определенного сегмента прессы подробности личной жизни стали предметом чрезвычайно выгодной купли-продажи. Далее в Резолюции указывалось:

«8. Средства массовой информации зачастую вторгаются в личную жизнь людей, утверждая, что их читатели имеют право знать о публичных фигурах всё; и они оправдывают эти действия односторонним толкованием права на свободу выражения мнений, гарантированного статьей 10 Европейской конвенции по правам человека.

9. Определенные факты из частной жизни общественных и, в частности, политических деятелей, конечно же, могут представлять интерес для граждан, и, следовательно, читатели, которые также являются и избирателями, имеют право быть в курсе о фактах такого рода.

10. Таким образом, необходимо найти способ уравновесить два фундаментальных права, которые гарантируются Европейской конвенцией по правам человека: право на уважение личной жизни и право на свободу выражения мнений».

58. Резолюция вновь подчеркнула значимость право каждого человека на уважение личной жизни и право на свободу выражения мнений как основных в демократическом обществе. В ней отмечалось, что эти права не носят абсолютного характера и не находятся в подчинении одно другому, поскольку они равноценны. Далее утверждалось, что право на неприкосновенность личной жизни, предоставленное статьей 8 Конвенции, должно защищать человека от посягательств со

стороны частных лиц и организаций, включая средства массовой информации. Резолюция также закрепила ряд требований к содержанию соответствующих национальных законов:

«(i) должно быть гарантировано право потерпевшего требовать, посредством гражданского иска, возмещения потенциального ущерба, нанесенного в результате посягательства на его личную жизнь;

(ii) если в публикациях содержатся посягательства на неприкосновенность личной жизни, соответствующие редакторы и журналисты должны нести ответственность в той же мере, как и в случае клеветы...

(iv) в отношении тех издательских групп, которые регулярно посягают на неприкосновенность частной жизни людей, следует применять экономические штрафные санкции...

(vii) должны быть предусмотрены положения, согласно которым лицо, располагающее информацией о том, что кто-то намеревается распространить сведения или изображения в отношении его частной жизни, могло инициировать чрезвычайное судебное разбирательство, такое как упрощенное приказное производство о промежуточном судебном запрете или судебном приказе об отсрочке распространения таких сведений, на основании оценки судом существа иска о вторжении в личную жизнь;

(viii) следует содействовать тому, чтобы средства массовой информации разработали свои правила относительно публикации материалов и учредили орган, куда частные лица могли бы обращаться с жалобами на вторжение в их частную жизнь и с требованиями о публикации опровержений и исправлений».

59. 3 октября 2008 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 1636 (2008) о показателях положения средств массовой информации в условиях демократии. Резолюция вновь подчеркнула важность свободы выражения мнений в демократическом обществе и призвала государства-участники произвести оценку национальных законов о прессе, приняв во внимание, что средства массовой информации должны иметь систему саморегулирования, включая право на ответ и опровержение или добровольное извинение со стороны журналистов, а также то, что журналисты должны принять свои собственные кодексы профессиональной этики и соблюдать их.

2. Комитет министров Совета Европы

60. На 6-й Европейской министерской конференции по вопросам политики в сфере средств массовой информации, прошедшей в г. Краков, 15–16 июня 2000 г., участвовавшие в ней министры приняли декларацию «Политика в сфере средств массовой информации для завтрашнего дня». Представители Высоких Договаривающихся

Сторон пришли к согласию относительно программы действий на общеевропейском уровне, которую должен будет реализовать Руководящий комитет по средствам массовой информации (далее – РКСМИ). Программа действий включала следующие положения:

«I. Деятельность, связанная с проблемой установления баланса между свободой информации и выражения мнений и иными правами и законными интересами

РКСМИ должен:

- увеличить объем работы, связанной с проблемой установления баланса между свободой информации и выражения мнений и правом на уважение личной жизни;
- завершить работу с тем, чтобы настолько быстро, насколько это возможно, определить общие для всех европейских стран ориентиры, – связанную с проблемами разглашения информации и высказывания мнений относительно политических деятелей и должностных лиц органов власти, разглашения информации, оправданной соображениями общественного интереса, а также проблемой освещения судебных процессов средствами массовой информации;
- рассмотреть проблемы, вызываемые распространением (даже в традиционных средствах массовой информации) материалов, ставящих под сомнение достоинство и честность человека;
- исследовать последствия распространения информации в сети “Интернет” частными лицами или иными источниками, которые не связаны кодексами журналистской этики или соответствующими кодексами поведения».

61. Во исполнение программы действий РКСМИ учредил Группу специалистов по свободе выражения мнений и иным основным правам (далее – Группа специалистов). Группа специалистов подготовила проект декларации Комитета министров о свободе выражения мнений и праву на уважение личной жизни, который был рассмотрен РКСМИ на заседаниях 10 июля 2003 г. и 21 января 2004 г. Однако РКСМИ не предложил Совету министров принять эту декларацию.

В. ПРАВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ

62. Согласно информации, представленной сторонами, а также известной Европейскому Суду из других источников, ни в одной из правовых систем Высоких Договаривающихся Сторон нет как такового требования о предварительном уведомлении. Однако в законодательстве некоторых государств-участников содержится правило о получении согласия героя публикации, затрагивающей личную жизнь, исключение из которого

возможно в случае наличия «общественного интереса». Соответственно уклонение от получения согласия может повлечь правовые последствия в случае инициирования героем публикации последующего гражданского разбирательства.

63. В ряде государств-участников существуют кодексы поведения, не имеющие в общем обязательной силы, которые также предусматривают в той или иной форме требование о получении согласия на публикацию.

С. ДИРЕКТИВА 95/46/ЕС ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОТ 24 ОКТЯБРЯ 1995 г. О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧАСТНЫХ ЛИЦ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБРАБОТКЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И О СВОБОДНОМ ДВИЖЕНИИ ТАКИХ ДАННЫХ (ДАЛЕЕ – ДИРЕКТИВА ЕС)

64. Директива ЕС была принята с целью обеспечения адекватной защиты персональных данных. Она действует в отношении 27 государств – членов Европейского союза. Ее положения были имплементированы в правовую систему Соединенного Королевства посредством Акта о защите данных 1998 года (см. §§ 42–45 настоящего Постановления). В Директиве ЕС нет положений о необходимости применения предварительного уведомления в делах, связанных с неприкосновенностью личной жизни.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 8 И 13 КОНВЕНЦИИ

65. Заявитель жаловался на то, что власти Соединенного Королевства, не обязав газету «Ньюс оф зе уорлд» заблаговременно уведомить его о возможности ходатайствовать о промежуточном судебном запрете и таким образом предотвратить обнародование материалов, которые нарушили его право на уважение личной жизни, не соблюли свои позитивные обязательства по гарантированию указанного права, предусмотренного статьей 8 Конвенции, взятой отдельно или в сочетании со статьей 13.

66. Европейский Суд придерживается мнения, что жалоба на нарушение положений статьи 13 Конвенции об эффективном внутригосударственном средстве правовой защиты является второстепенной и, по сути, представляет собой переформулированную жалобу на нарушение требований статьи 8 Конвенции, согласно которой государство-ответчик не обеспечило право заявителя на уважение частной жизни (см. Постановление Европейского Суда по делу «Армониене про-

тив Литвы» (*Armonienė v. Lithuania*) от 25 ноября 2008 г., жалоба № 36919/02, § 23, и Постановление Европейского Суда по делу «Бирюк против Литвы» (*Biriuk v. Lithuania*) от 25 ноября 2008 г., жалоба № 23373/03, § 23). Следовательно, Европейский Суд полагает, что жалобу заявителя надлежит рассмотреть на предмет наличия нарушения прав, предусмотренных исключительно статьей 8 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ

1. Статус жертвы

а. Доводы сторон

67. Власти Соединенного Королевства утверждали, что заявитель более не являлся жертвой какого бы ни то было нарушения Конвенции. Они заявили, что национальное судебное разбирательство окончилось в его пользу, и ему были присуждены 60 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации вреда и около 420 000 фунтов стерлингов – в качестве возмещения судебных расходов (см. пункт 28 настоящего Постановления). Они заключили, что он, обратившись в национальные суды, получил пропорциональное и адекватное возмещение в отношении причиненного ему вреда. Они подчеркнули, что компенсация вреда, которая была присуждена в его деле, стала наиболее крупной в делах, касающихся вмешательства в личную жизнь в Соединенном Королевстве. Власти Соединенного Королевства далее отметили, что заявителю были присуждены компенсации и в иных странах, в которых он подал аналогичные иски, и что, видимо, ему удалось добиться внушительных результатов в отношении похожих публикаций как в Соединенном Королевстве, так и в других странах. К последним они отнесли судебное разбирательство в Германии, которое было прекращено мировым соглашением, по которому заявитель получил 250 000 евро, а также гражданское и уголовное судебные разбирательства во

Франции и Италии, инициированные в отношении публикации, которая стала предметом рассмотрения в судах Соединенного Королевства.

68. Власти Соединенного Королевства также подчеркнули, что с момента подачи иска против газеты «Ньюз оф зе уорлд» заявитель приобрел широкую известность в стране как борец за неприкосновенность частной жизни и в этой роли выступал в парламенте и давал целый ряд интервью средствам массовой информации. Они выразили сомнение относительно того, что публикация вызвала настолько неблагоприятные последствия, насколько он заявлял.

69. Заявитель настаивал на том, что он является жертвой нарушения Конвенции, несмотря на присужденную ему национальным судом компенсацию. Он утверждал, что компенсация не могла считаться адекватным средством возмещения вреда, учитывая, что вызывающие чувство стыда факты частной жизни и фотографии интимного характера были намеренно преданы публичной огласке через газету и сайт в сети «Интернет». Эту информацию невозможно вычеркнуть из памяти миллионов людей, которые прочли или увидели соответствующий материал, и нарушенную неприкосновенность частной жизни невозможно вернуть посредством присуждения компенсации. Единственным адекватным средством правовой защиты в этом деле мог бы стать судебный запрет, то средство, в котором ему было отказано в связи с тем, что газета не сочла нужным уведомить его о готовившемся материале. Аналогичным образом судебные разбирательства в других странах не лишают его статуса жертвы. Целью этих судебных процессов было обязать средства массовой информации и интернет-сайты удалить информацию интимного характера, связанную с оригинальной публикацией в газете «Ньюз оф зе уорлд» или непосредственно ее воспроизводящую. Безусловно, предпринятые им усилия являлись доказательством того, насколько серьезным и сокрушительным было нарушение неприкосновенности его личной жизни.

70. Наконец, заявитель утверждал, что любые заявления, будто он не пострадал от вмешательства в его личную жизнь, были не только абсурдными, но и возмутительными. Он подчеркнул интимный характер опубликованного материала и унижение, вызванное его обнародованием, а также воздействие, которое этот случай оказал на его семью.

б. Мнение Европейского Суда

71. Европейский Суд соглашается с тем, что обнародование статей, фотографий и видеоза-

писи, на которых был изображен заявитель, принимающий участие в сексуальных актах, оказало значительное воздействие на право заявителя на уважение его личной жизни. Тот факт, что после широкомасштабного распространения указанных материалов (см. § 11 настоящего Постановления) заявитель принял решение добиваться того, чтобы в законодательство были внесены изменения, которые он считает необходимыми, не умаляет масштаб унижения, испытанного им в результате публикации соответствующей информации.

72. Европейский Суд отмечает необычный характер жалобы заявителя. Последний выиграл дело в национальных судах, и ему была присуждена компенсация, и аргумент, который он отстаивает в Европейском Суде, направлен на предотвращение такого положения дел в Соединенном Королевстве, при котором в законодательстве страны отсутствует требование о предварительном уведомлении объекта публицистического материала, который делает частную жизнь последнего достоянием публики. Вопрос о том, требует ли, как утверждает заявитель, статья 8 Конвенции от властей Соединенного Королевства установления законодательной обязанности о предварительном уведомлении, является предметом анализа на стадии рассмотрения дела по существу. Однако очевидно, что никакое денежное вознаграждение, присужденное после обнародования информации, о которой идет речь в настоящем деле, не может предоставить заявителю средство возмещения вреда в отношении той жалобы, на которой настаивает заявитель.

73. В свете изложенного выше и учитывая специфический характер жалобы на нарушение статьи 8, Европейский Суд находит, что заявитель может считаться жертвой нарушения Конвенции.

2. Исчерпание национальных средств правовой защиты

а. Доводы сторон

74. Власти Соединенного Королевства утверждали, что, поскольку заявитель жаловался на то, что компенсация ущерба, присужденная национальным судом, не была адекватной, он не выполнил требование об исчерпании средств правовой защиты, так как не обжаловал решение судьи о невозможности удовлетворения требования об убытках, имеющих характер наказания. Далее они указали на тот факт, что заявитель принял решение добиваться возмещения убытков, а не взыскания с ответчика прибыли, полученной в результате нарушения. Наконец, они отметили, что заявитель не инициировал разбирательства на основании

положений Акта о защите данных 1998 года (см. §§ 42–45 настоящего Постановления), что предоставляло бы ему возможность жаловаться о неавторизованной обработке данных персонального характера и требовать их исправления или уничтожения.

75. Заявитель утверждал, что он не добивается дополнительной компенсации от газеты; он жалуется на отсутствие закона, который бы мог предотвратить обнародование статьи в нарушение его права на уважение личной жизни. Соответственно, с его точки зрения, дополнительные средства правовой защиты, на которые ссылались власти Соединенного Королевства, не имеют к его жалобе никакого отношения.

б. Мнение Европейского Суда

76. Европейский Суд еще раз отмечает необычность жалобы заявителя в настоящем деле (см. § 72 настоящего Постановления). Ни одно из средств правовой защиты, на которые сослались власти Соединенного Королевства, не могло бы удовлетворить требование заявителя, сводящееся к наличию закона, который бы содержал требование о предварительном уведомлении. Соответственно, они не могут считаться средствами правовой защиты, которые заявитель должен был исчерпать перед подачей жалобы в Европейский Суд.

77. Таким образом, возражения властей Соединенного Королевства отклонены.

3. Вывод

78. Европейский Суд отклонил возражения властей Соединенного Королевства в том что касается статуса жертвы нарушения Конвенции и неисчерпания национальных средств правовой защиты. Он отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она также не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. СУЩЕСТВО ДЕЛА

1. Доводы сторон

а. Заявитель

79. Заявитель утверждал, что позитивное обязательство государства может возникнуть на основе положений статьи 8 Конвенции даже в сфере взаимоотношений между частными лицами. В настоящем деле, с его точки зрения, государство-

ответчик было обязано предоставить ему возможность просить суд выдать запретительный приказ на основе требования о предварительном уведомлении о готовящейся публикации статьи, содержащей информацию о его личной жизни. Заявитель подчеркнул, что в его деле информация о подробностях наиболее интимной сферы его частной жизни была размещена на первой и нескольких внутренних страницах газеты, примерное число читателей которой в Соединенном Королевстве составляет десять миллионов человек. Фотографии обличающего характера, сделанные тайно, были также размещены на сайте газеты и неизбежно появились на иных сайтах в сети «Интернет». Заявитель высказал мнение, что, из решения судьи Д. Иди явным образом следует, что, если бы у заявителя была возможность просить суд о выдаче судебного приказа, такой приказ был бы ему предоставлен (см. §§ 17–18 настоящего Постановления).

80. В обоснование своей позиции, согласно которой он должен был быть наделен правовой возможностью обратиться в суд за судебным запретом публикации, заявитель сослался, во-первых, на то, что надлежащим субъектом для разрешения противоречия между конфликтующими интересами, защищаемыми соответственно статьями 8 и 10 Конвенции, должен быть суд, а не газета. Он указал на опасность закрепления за журналистами роли единственных судей, решающих вопрос о балансе между свободой выражения мнений и правом на уважение личной жизни, поскольку, как он заявил, британская пресса преимущественно враждебно относится и к необходимости охраны частной жизни от вмешательства извне, и к толкованию содержания этого права представителями судебной власти. Далее он отметил, что современное состояние права и практики в этой сфере потворствует тому, что редакторы не считают нужным предварительно уведомлять героев газетных публикаций о готовящемся материале, поскольку последние – из-за страха привлечь еще большее внимание к неприглядным фактам личной жизни – чаще всего не прибегают к судебным процедурам. Во-вторых, заявитель утверждал, что в случае, если конфликт между положениями статей 8 и 10 Конвенции подлежит разрешению только после состоявшейся публикации, гарантии защиты частной жизни незначительны, поскольку нарушенная неприкосновенность личной жизни не может быть восстановлена. Сославшись на решение судьи Д. Иди (см. § 27 настоящего Постановления), заявитель отметил, что в делах о клевете газета могла в свою защиту привести доказательства истинности опубликованных фактов, и, соответственно, ущерб,

нанесенный репутации, можно было нивелировать доказательством ложности выдвинутых предположений о фактах. Однако иначе обстоит дело с неприкосновенностью частной жизни, которая исчезает в случае вторжения и, таким образом, не может быть восстановлена. Далее, он считал, что статья 12 Акта о правах человека 1998 года предоставила достаточную защиту праву газеты на свободу выражения мнений путем установления серьезных требований, соответствие которым необходимо для получения промежуточного судебного запрета (см. §§ 47–50 настоящего Постановления). Он подчеркнул, что в соответствии с правоприменительной практикой Европейского Суда по статье 10 Конвенции газеты, ссылающиеся на защиту своего права на свободу выражения мнений, должны соблюдать требования ответственной журналистики. По его мнению, последние включают и требование о предварительном уведомлении.

81. Заявитель согласился с тем, что государство-ответчик обладает свободой усмотрения, однако отметил, что усмотрение касается только сферы распространения и эффективности, но не существования требования о направлении предварительного уведомления как такового. Суть его жалобы сводится не к тому, что он получил некое уведомление, которое он счел недостаточным, а, скорее, к тому, что он не получил никакого уведомления. Он указал, что отсутствие единого подхода к проблеме предварительного уведомления, разделяемого всеми или большинством государств-участников, в настоящем деле не является решающим фактором. Он указал на то, что в ряде государств-участников в контексте законодательства о защите неприкосновенности личной жизни важная роль отводилась получению предварительного согласия на публикацию, и утверждал, что в случаях, в которых такое согласие было необходимо или являлось значимым фактором при оценке законности обнародования фактов, касающихся личной жизни, необходимость в требовании о предварительном уведомлении отсутствовала. Он также сослался на то, что он назвал «уникальным характером желтой прессы» в Соединенном Королевстве, подчеркнув незаконные методы, которые используют некоторые репортеры бульварных изданий, а также недовольство желтой прессы развитием законодательства о защите сферы личной жизни.

82. Хотя заявитель согласился с тем, что конкретные механизмы и содержание системы предварительного уведомления относится к усмотрению государства-ответчика, он счел, что власти Соединенного Королевства как минимум преувеличивают значение тех трудностей, которые, по

их мнению, могут возникнуть, например, в связи с формулированием обязанности направлять предварительное уведомление, учитывая, в частности, что такое уведомление имело место в подавляющем большинстве случаев (см. § 52 настоящего Постановления). С его точки зрения, обязательство о предварительном уведомлении о планирующейся публикации должно возникать как минимум в случаях, в которых существуют разумные основания полагать с учетом всех обстоятельств дела, включая соображения публичного интереса, что опубликование соответствующей информации нарушит право на уважение личной жизни. Понятие «разумные основания полагать» не является незнакомым для английского права. Он также отметил, что форма предварительного уведомления предусматривалась Кодексом телерадиовещания, который обязал вещательные компании перед показом программы предоставить возможность прокомментировать материал всем лицам, чье мнение было бы несправедливо не заслушать (см. пункт 39 настоящего Постановления).

83. Заявитель согласился с тем, что при любой системе необходимо будет предусмотреть исключения из общего правила для случаев, в которых предварительное уведомление героя публикации со стороны средств массовой информации невозможно или противоречит общественному интересу. Таким образом, санкции не будут применяться в ситуациях, в которых все возможные меры для уведомления соответствующего лица были приняты либо существовали веские причины воздержаться от направления уведомления. Он не согласился с тем, что возникнут концептуальные проблемы с созданием исключения, основанного на соображениях общественного интереса, указав на положение Акта о правах человека 1998 года, которое требовало, чтобы лицо, ходатайствовавшее о промежуточном судебном запрете, по общему правилу уведомило средство массовой информации о намерении подать такое ходатайство, если этому не препятствуют «серьезные причины» (см. пункт 47 настоящего Постановления).

84. В отношении санкций заявитель указал, что в случаях нарушения требования о предварительном уведомлении должны применяться административные и уголовные санкции (заявитель сослался на Постановление Европейского Суда по делу «K.Y. против Финляндии» (K.U. v. Finland) от 2 декабря 2008 г., жалоба № 2872/02). Он указал, что право предусматривало уголовную ответственность газет и редакторов за предполагаемые неуважение к суду, публикацию непристойных материалов или нарушения Акта о государственной тайне.

b. Власти Соединенного Королевства

85. Власти Соединенного Королевства признали, что положения статьи 8 Конвенции предполагают позитивные обязательства государства, однако они заявили, что действие этого аспекта статьи 8 может иметь место только тогда, когда серьезность нарушения достигает достаточно высокого порога. Они провели различия между тремя категориями дел. В первой категории дел, в которых заявитель напрямую является жертвой бездействия властей, такого как, например, отказ в официальном признании транссексуалов, требование о существовании позитивного обязательства является наиболее серьезным и обоснованным. В отношении второй категории дел, где действия государства требуются для защиты заявителя от вмешательства негосударственных акторов, таких как дела, связанные со средствами массовой информации и состоянием окружающей среды, позитивные обязательства нуждаются в более серьезном обосновании. Наконец, в делах, в которых заявитель утверждает, что для защиты его права необходимы действия частных лиц, требование о существовании позитивного обязательства является чрезвычайно слабым. Власти Соединенного Королевства утверждали, что к факторам, влияющим на сферу охвата позитивного обязательства, относятся фундаментальный и существенный характер затронутых в деле аспектов личной жизни характер нанесенного заявителю вреда характер (степень охвата и однозначность формулировки) позитивного обязательства, которое заявитель желает возложить на государство, наличие и характер консенсуса среди государств – участников Совета Европы и в международном сообществе. Ссылаясь на эти факторы, власти государства-ответчика утверждали, что позитивное обязательство по защите неприкосновенности личной жизни заявителя посредством законодательно закрепленного требования о предварительном уведомлении отсутствовало.

86. Власти Соединенного Королевства утверждали, что, если в рамках настоящего дела и шла речь о позитивных обязательствах, то государству-ответчику принадлежала существенная свобода усмотрения при решении вопроса о том, каким образом национальное право устанавливает баланс между требованиями статей 8 и 10 Конвенции, и что обстоятельства дела не выходят за пределы указанной свободы. Они заявили, что введение требования о предварительном уведомлении неизбежно приведет к увеличению числа промежуточных судебных запретов, которые сами по себе создают значительные ограничения для реализации свободы выражения мнений и поэтому должны применяться с осторожностью.

87. Власти Соединенного Королевства указали на то, что среди государств – участников Совета Европы существует однозначная позиция против системы предварительных уведомлений, а также в этой связи поставили под сомнение, что бульварная пресса в Соединенном Королевстве обладает каким-то уникальным характером. Что касается значения согласия на публикацию в отдельных европейских государствах, власти государства-ответчика отметили, что из представленных материалов неясно, является ли согласие абсолютным требованием в делах, на которые сослался заявитель, а также предусмотрены ли какие-либо исключения. В любом случае они выразили сомнение, что данный подход отличается от принятого в Соединенном Королевстве, который предполагает, что получение согласия в отношении публикации полностью защищает средства массовой информации от исков о нарушении неприкосновенности личной жизни, а уклонение от предварительного уведомления принимается судами во внимание при решении вопроса о возмещении вреда. Далее власти Соединенного Королевства подчеркнули, что введение жесткого требования о предварительном уведомлении составит отклонение от принятого международно-правового стандарта, установленного Советом Европы (см. §§ 55–59 настоящего Постановления). В этой связи они отметили, в частности, что положение дел в Соединенном Королевстве соответствовало требованиям, содержащимся в Резолюции 1165 Парламентской Ассамблеи Совета Европы (см. § 58 настоящего Постановления).

88. Власти государства-ответчика также сослались на важное значение Комиссии по рассмотрению жалоб на средства массовой информации и Редакторский кодекс в системе защиты прав на уважение личной жизни в Соединенном Королевстве. В частности, они подчеркнули, что Комиссия недавно удовлетворила жалобу на уклонение газеты от предоставления герою готовившейся к публикации статьи возможности высказать свое мнение (см. § 30 настоящего Постановления). Они также отметили, что данная проблема стала предметом расследования, проведенного комитетом Палаты общин (см. §§ 51–54 настоящего Постановления). После заслушивания показаний заинтересованных лиц комитет в своем докладе высказался против юридически обязательного требования о предварительном уведомлении (см. § 54 настоящего Постановления).

89. Наконец, власти Соединенного Королевства отметили, что, хотя предварительное уведомление являлось примером хорошей практики, которой средства массовой информации старались

придерживаться в большинстве случаев, нельзя утверждать, что введение аналогичного обязательного требования не вызовет непреодолимых трудностей. По их мнению, против законодательного закрепления требования о предварительном уведомлении существует ряд практических и принципиальных возражений. Сложности связаны с формулированием сферы действия такого обязательства, включая определение категорий средств массовой информации, на которых оно распространяется, с определением условий, в которых требование о предварительном уведомлении должно применяться, а также действием исключения из общего правила, основанного на соображениях «общественного интереса». В этой связи они опровергли утверждение заявителя о том, что Кодекс телерадиовещания содержит пример обязательства, аналогичного требованию о предварительном уведомлении, на котором он настаивает, указав, что обязательство, содержащееся в правиле 7.9. этого кодекса, существенно иное. Они также утверждали, что трудности вызывает вопрос санкций за несоблюдение правила о предварительном уведомлении. Власти Соединенного Королевства отметили, что заявитель определенно настаивал на уголовных санкциях, и выразили озабоченность в связи с необходимостью определения состава преступления и привлечения к ответственности. Они также предупредили, что неадекватно сформулированные требования закона могут привести к нарушениям статьи 10 Конвенции.

90. В заключение власти Соединенного Королевства просили Европейский Суд признать, что существующее в Соединенном Королевстве правовое регулирование вопроса обнародования материалов, которые могут нарушить право на уважение личной жизни, является достаточным для соблюдения позитивного обязательства, спор о необходимости существования которого возник в настоящем деле.

С. ЗАЯВЛЕНИЯ ТРЕТЬИХ СТОРОН

i. «Гардиан Ньюз энд Мидиа Лимитед»
(Guardian News & Media Ltd)

91. «Гардиан Ньюз энд Мидиа Лимитед» (далее – «Гардиан») утверждали, что, если Европейский Суд удовлетворит жалобу заявителя, это серьезно и чрезмерно ограничит право средств массовой информации распространять и публиковать информацию и идеи, имеющие общественное значение. Таким образом, правило об обязательном предварительном уведомлении окажет серьезный и ничем не обоснованный охлажда-

ющий эффект на реализацию права на свободу выражения мнений. Это также, с их точки зрения, не согласуется с принципом основанной на ответственности журналистской свободы, важность которого Европейский Суд постоянно подчеркивал.

92. «Гардиан» подчеркнули, что, хотя заявитель и сформулировал свое требование в отношении правила о предварительном уведомлении применительно к обстоятельствам своего дела, его введение будет иметь далеко идущие последствия. Во-первых, как они утверждали, жалобы о предполагаемых нарушениях могут затрагивать не только средства массовой информации, но и публичные власти, неправительственные организации и даже частные лица. Во-вторых, логика требует распространения правила о предварительном уведомлении не только на дела о неприкосновенности личной жизни, но и на дела, в которых положение пункта 2 статьи 10 Конвенции требует установления баланса.

93. «Гардиан» указали, что, принимая во внимание широкую свободу усмотрения государства в этой сфере, законодательство Соединенного Королевства установило надлежащий баланс между соперничающими интересами. Они подчеркнули, что среди европейских государств есть согласие относительно того, что в предварительном уведомлении нет необходимости. Они отметили далее, что, хотя в ряде стран существует требование о получении согласия на готовящуюся публикацию, касающуюся частной жизни лица в случаях отсутствия общественного интереса в обнародовании последней, в законодательстве такого же числа стран аналогичное требование отсутствует. «Гардиан» также сослались на Акт о защите данных 1998 года и лежащую в его основе Директиву ЕС, которые не предусматривают правила о предварительном согласии (см. §§ 42–45 и 64 настоящего Постановления). Они далее обратили внимание на то, что комитет Палаты общин в подготовленном по результатам недавнего исследования докладе отклонил аргумент о необходимости §§ 51–54 настоящего Постановления).

94. Наконец, «Гардиан» утверждали, что какое бы то ни было требование о предварительном уведомлении не будет работать на практике. Они указали, что не всегда будет ясно, распространяется ли правило на конкретные обстоятельства дела, а также в каких случаях должно применяться исключение, связанное с «общественным интересом».

ii. Ассоциация медиа-юристов

95. Ассоциация медиа-юристов (далее – АМЮ) утверждала, что требование о предварительном

уведомлении в принципе является вредным, не будет работать на практике и составит нарушение статьи 10 Конвенции.

96. АМЮ подчеркнула широкую свободу усмотрения в решении о мерах, необходимых для исполнения позитивного обязательства в этой сфере. Она указала на отсутствие европейского консенсуса в том, что касается необходимости существования института обязательного предварительного уведомления. Она также указала на то, что комитет Палаты общин недавно отклонил предложение о введении обязательного предварительного уведомления (см. § 54 настоящего Постановления). С точки зрения АМЮ, вопрос о необходимости получения комментариев от героев предстоящих публикаций должен регулироваться кодексом этики журналиста и кодексами поведения, регулирующими деятельность средств массовой информации. Такие кодексы время от времени изменяются и их соблюдение демонстрирует, что средства массовой информации прекрасно осведомлены об обязанности уважать право каждого на неприкосновенность личной жизни. В частности, АМЮ указала, что Редакторский кодекс представлял руководство по вопросу об определении случаев, подпадающих под требование об «общественном интересе» (см. §§ 34–35 настоящего Постановления).

97. АМЮ утверждала, что обязанность, за введение которой ратовал заявитель, носит неясный и неконкретный характер. Она указала, что применение правила о предварительном уведомлении будет иметь широкие последствия, потенциально распространяясь не только на средства массовой информации, но и на гораздо более широкий круг акторов. С необходимостью возникнет ряд практических вопросов, таких как, например: с кем должны связаться средства массовой информации по поводу готовящейся публикации, возникнет ли аналогичное обязательство в связи с фотографиями неизвестных людей на улицах, будет ли требование распространяться на фотографии или тексты, опубликованные ранее, а также на близких родственников героев публикаций, которые также могут быть существенным образом задеты опубликованным материалом. АМЮ далее указала, что необходимо предусмотреть исключение из общего правила, например, для случаев, в которых существовали веские причины не уведомлять героя публикации или общественный интерес в обнародовании материала.

98. АМЮ подчеркнула важность статьи 10 Конвенции и, в частности, контрольную функцию средств массовой информации. Она указала, что

доступность и действие промежуточных судебных запретов в контексте требования заявителя по-прежнему волнуют средства массовой информации, и что ограничения, накладываемые на неопубликованные материалы, являются серьезным вмешательством в осуществление права на свободу выражения мнений. Соответственно, такие ограничения возможны только в случаях абсолютной необходимости. АМЮ подчеркнула, что судебные процедуры, связанные с решением о выдаче промежуточных запретов, обременительны с финансовой и временной точек зрения сами по себе – даже если суд не удовлетворяет требование истца, – и, следовательно, любые изменения, могущие привести к увеличению соответствующих ходатайств, нежелательны. Она выразила уверенность в том, что законодательство Соединенного Королевства установило надлежащий баланс между соперничающими интересами.

iii. Инициатива правовой защиты прессы, благотворительная организация «Индекс он Ценсоршип», Международная ассоциация медиа-юристов, Совет европейских издателей, Центр защиты прав средств массовой информации, Румынский хельсинкский комитет, Болгарский фонд программы доступа к информации, организация «Глоубал Уитнесс» и Ресурсный центр медиа-права

99. Третьи стороны в их совместных письменных замечаниях сослались на важность права на свободу выражения мнений. С их точки зрения, введение требования о предварительном уведомлении повлечет существенные последствия. В огромном числе случаев, достойных общественного внимания, в которых публичные фигуры смогут жаловаться на то, что их психологическая неприкосновенность пострадает от обнародования правды, это приведет к существенным задержкам в опубликовании новостей, которые сами по себе являются скоропортящимся товаром. Третьи стороны оспорили утверждение о том, что необходимо установление баланса между правами, предусмотренными соответственно статьями 8 и 10 Конвенции, указав, что существует презумпция в пользу статьи 10 и что репутация носит второстепенное значение, а ее содержание должно толковаться ограничительно.

100. Третьи стороны далее утверждали, что государство располагало широкой свободой усмотрения в этой области. Они подчеркнули, что в рамках системы общего права предварительные запреты на публикацию материалов традиционно воспринимаются негативно, и указали на

то, что введение предварительного уведомления вступит в противоречие с устоявшимся подходом в данной области. Далее они отметили, что в европейских странах отсутствовало согласие о необходимости существования правила о предварительном уведомлении. Они также сочли важным, что в Соединенном Королевстве вопросы защиты неприкосновенности личной жизни в последнее время часто становились предметом обсуждения и докладов, включая доклад комитета Палаты общин (см. пункты 51–54 настоящего Постановления). В этом докладе аргументы заявителя в пользу введения предварительного уведомления были отклонены.

101. Третьи стороны также утверждали, что понятие личной жизни чрезмерно расплывчато, чтобы служить основой для требования о предварительном уведомлении. Однако они согласились с тем, что есть основания для данного требования, например, в случаях, касающихся истории болезни, а также фотографий, сделанных без согласия в местах частного пользования, но только при условии, что репутация не подпадает под сферу действия статьи 8 Конвенции, а понятие информации личного характера четко определено. По их мнению, требование в той форме, в которой оно сформулировано заявителем, является чрезмерно расплывчатым и неприменимым на практике.

102. Третьи стороны заявили, что в отношении любой обязанности общего характера должны быть предусмотрены исключения, в особенности, если этого требуют соображения «общественного интереса». Принимая это во внимание, в настоящем деле важным фактором является то, что редактор газеты «Ньюз оф зе уорлд» принял бы решение о публикации статьи даже в условиях существования юридической обязанности о предварительном уведомлении, поскольку был искренне убежден в том, что в основе сексуальной игры, в которой принял участие заявитель, лежали нацистские мотивы, и это служило оправданием публикации с позиций общественного интереса (см. пункт 24 настоящего Постановления).

103. Третьи стороны подчеркнули, что даже успешно завершившееся гражданско-правовое разбирательство в отношении ходатайства о промежуточном запрете стоило бы газете 10 000 фунтов стерлингов; в случае же неудачи газета заплатила бы 60 000 фунтов стерлингов. Газеты просто не смогут выжить, если будут оспаривать каждое ходатайство о промежуточном запрете в результате обязательного предварительного уведомления. Таков охлаждающий эффект требования об обязательном уведомлении.

2. Мнение Европейского Суда

104. Европейский Суд напоминает, что судья Высокого Суда Д. Иди удовлетворил иск заявителя к газете «Ньюз оф зе уорлд» (см. § 25 настоящего Постановления). Судья установил, что в сексуальной игре, в которой принял участие заявитель, нацистские мотивы отсутствовали. Он также подверг критике журналиста и редактора газеты за случайный и опрометчивый характер выводов о нацистских мотивах поведения заявителя. В отсутствие нацистских мотивов обнародование статей и фотографий не могло быть оправдано или объяснено ссылкой на публичный интерес. Судья Д. Иди, приняв во внимание чрезвычайно серьезный характер нарушения неприкосновенности частной жизни заявителя в настоящем деле, присудил заявителю 60 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Газета не обжаловала это судебное решение. В свете этих фактов Европейский Суд считает, что в настоящем деле имело место грубое и ничем не оправданное вмешательство в частную жизнь заявителя.

105. Европейский Суд далее отмечает, что в том, что касается установления баланса между различными интересами в конкретных обстоятельствах настоящего дела, внутригосударственный суд вынес однозначное решение в пользу права заявителя на уважение его частной жизни и обязал газету выплатить ему значительную финансовую сумму в качестве компенсации. Исследование, которое предстоит предпринять Европейскому Суду в настоящем деле, касается не конкретных обстоятельств дела заявителя, но общих правовых принципов установления баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и правом на свободу выражения мнений в рамках национального правопорядка. Таким образом, Европейский Суд должен сперва рассмотреть общие принципы применения статей 8 и 10 Конвенции и только затем перейти к анализу того, имело ли место нарушение требований статьи 8 в результате отсутствия в законодательстве Соединенного Королевства требования об обязательном предварительном уведомлении о готовящейся публикации.

а. Общие принципы

і. Статья 8 Конвенции

106. Очевидно, что из содержащихся в статье 8 Конвенции слов «право на уважение...частной... жизни» следует не только обязательство государства воздерживаться от вмешательства в частную жизнь, но и определенные позитивные обязательства государства, содержащиеся в обеспе-

чении эффективного пользования данным правом всеми, кто находится под его юрисдикцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium) от 13 июня 1979 г., § 31, Series A, № 31). Такие обязательства могут требовать принятия позитивных мер, направленных на обеспечение действенного уважения частной жизни даже в сфере отношений между частными лицами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии» (Von Hannover v. Germany), жалоба № 59320/00, § 57, ECHR 2004-VI, и Постановление Европейского Суда по делу «Стаббингс и другие против Соединенного Королевства» (Stubbings and Others v. United Kingdom) от 22 октября 1996 г., §§ 61–62, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV).

107. Европейский Суд подчеркивает важность разумного подхода к определению содержания позитивных обязательств по защите частной жизни в целом, а также необходимость признания многообразия возможных методов, при помощи которых такое уважение достигается (см. Постановление Европейского Суда по делу «Каракó против Венгрии» (Karakó v. Hungary) от 28 апреля 2009 г., жалоба № 39311/05, § 19). Высокие Договаривающиеся Стороны обладают свободой усмотрения в отношении выбора средств, при помощи которых обеспечивается соблюдение такого позитивного обязательства в сфере взаимодействия между частными лицами (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Х. и Y. против Нидерландов» (X. and Y. v. Netherlands) от 26 марта 1985 г., § 24, Series A, № 91, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Одьевр против Франции» (Odièvre v. France), жалоба № 42326/98, § 46, ECHR 2003-III). Однако такая свобода усмотрения не освобождает государство от контроля со стороны конвенционных органов (см., *mutatis mutandis*¹, Постановление Европейского Суда по делу ««Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства» (Observer and Guardian v. United Kingdom) от 26 ноября 1991 г., § 59(с), Series A, № 216, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Линдон, Очаковски-Лоран и Жюли против Франции» (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France), жалобы №№ 21279/02 и 36448/02, § 45, ECHR 2007-XI).

108. Европейский Суд напоминает, что при определении пределов свободы усмотрения, принадлежащей государству в деле о предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции, во вни-

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (прим. переводчика).

мание принимается ряд факторов. Во-первых, Европейский Суд повторяет, что содержащееся в статье 8 понятие «уважение» не является однозначным, особенно в свете позитивных обязательств, неразрывно с ним связанных: в контексте многообразия возникающих ситуаций и мер, к которым прибегают государства-участники, требования, вытекающие из этого понятия, значительным образом зависят от обстоятельств конкретного дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шеффилд и Хоршэм против Соединенного Королевства» (Sheffield and Horsham v. United Kingdom) от 30 июля 1998 г., § 52, *Reports* 1998-V). Таким образом, Высокие Договаривающиеся Стороны обладают широкой свободой усмотрения при определении мер, необходимых для соблюдения требований Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom) от 7 декабря 1976 г., Series A, № 24, § 48, Постановление Европейского Суда по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., § 67, Series A, № 94, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хаттон и другие против Соединенного Королевства» (Hatton and Others v. United Kingdom), жалоба № 36022/97, § 97, *ECHR* 2003-VIII, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Армониене против Литвы», § 38). В этом отношении Европейский Суд напоминает, что по причине их непосредственной и постоянной связи с жизненными силами внутри страны власти государств-участников в принципе находятся в лучшем, нежели международный судья, положении с точки зрения оценки оптимальных средств обеспечения права на уважение частной жизни в рамках национального правопорядка (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства», § 48, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А., В. и С. против Ирландии» (A., B. and C. v. Ireland) от 16 декабря 2010 г., жалоба № 25579/05, § 232, и Постановление Европейского Суда по делу ««ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства» (MGN Limited v. United Kingdom) от 18 января 2011 г., жалоба № 39401/04, § 142).

109. Во-вторых, пределы свободы усмотрения также зависят от характера затронутой сферы общественных отношений. Европейский Суд ранее отмечал, что в случае конфликта между положениями национального права и важными аспектами, касающимися идентичности человека, речь может идти о серьезном вмешательстве

в частную жизнь (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» (Christine Goodwin v. United Kingdom), жалоба № 28957/95, § 77, *ECHR* 2002-VI). Таким образом, в делах по статье 8 Конвенции, затрагивающих особо значимые грани частной жизни человека, свобода усмотрения государства сужается (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эванс против Соединенного Королевства» (Evans v. United Kingdom), жалоба № 6339/05, § 77, *ECHR* 2007-IV, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «А., В. и С. против Ирландии», § 232). Это верно также и в отношении дел, которые касаются особо интимных аспектов частной жизни (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Даджен против Соединенного Королевства» (Dudgeon v. United Kingdom) от 22 октября 1981 г., § 52, Series A, № 45, и Постановление Европейского Суда по делу «A.D.T. против Соединенного Королевства» (A.D.T. v. United Kingdom), жалоба № 35765/97, § 37, *ECHR* 2000-IX).

110. В-третьих, для определения сферы свободы усмотрения государства еще одним важным фактором является наличие или отсутствие консенсуса среди государств – участников Совета Европы – либо относительно важности интереса, затронутого в деле, либо по вопросу наилучших средств его защиты: в случае отсутствия такого согласия свобода усмотрения государства обычно широка (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эванс против Соединенного Королевства», § 77, Постановление Европейского Суда по делу «X., Y. и Z. против Соединенного Королевства» (X., Y. and Z. v. United Kingdom) от 22 апреля 1997 г., § 44, *Reports* 1997-II, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксон против Соединенного Королевства» (Dickson v. United Kingdom), жалоба № 44362/04, § 78, *ECHR* 2007-XIII). Аналогичным образом при толковании гарантий, предоставляемых Конвенцией, и, в частности, при определении какого-либо общего европейского стандарта в той или иной области во внимание принимаются стандарты, содержащиеся в международно-правовых актах и докладах (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танасе против Молдовы» (Tănase v. Moldova), жалоба № 7/08, § 176, *ECHR* 2010-...).

111. Наконец, в делах, в которых меры, необходимые – с точки зрения заявителя – для обеспечения позитивных обязательств государства по статье 8 Конвенции, влияют на осуществление свободы выражения мнений, внимание должно уделяться справедливому балансу между соперничающими правами и интересами, возникающими

на основании положений статей 8 и 10 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 142), правами, которые, в принципе, заслуживают равного уважения (Постановление Европейского Суда по делу «Ашетт Филипакки Асосье» (“Иси Пари”) против Франции» (Hachette Filipacchi Associés (ICI PARIS) v. France) от 23 июля 2009 г., жалоба № 12268/03, § 41; ср. с Постановлением Европейского Суда по делу «Санди Таймс» против Соединенного Королевства (№ 1)» (Sunday Times v. United Kingdom (№ 1), от 26 апреля 1979 г., § 65, Series A, № 30).

ii. Статья 10 Конвенции

112. Европейский Суд подчеркивает исключительную роль средств массовой информации в государстве, построенном на принципе господства права, которая состоит в информировании граждан и распространении идей, касающихся вопросов, имеющих общественное значение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Файненшиал Таймс Лимитед» и другие против Соединенного Королевства» (Financial Times Ltd and Others v. United Kingdom) от 15 декабря 2009 г., № 821/03, § 59, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 141, и Постановление Европейского Суда по делу «Де Хаес и Гийселс против Бельгии» (De Haes and Gijssels v. Belgium) от 24 февраля 1997 г., § 37, *Reports* 1997-I). Не только средства массовой информации обладают правом передавать такие идеи и информацию, но и публика вправе получать их. В противном случае средства массовой информации были бы неспособны реализовывать свою контрольную функцию в обществе¹ (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Обсёрвер» и “Гардиан” против Соединенного Королевства», § 59, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсас против Норвегии» (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway), жалоба № 21980/93, § 62, *ECHR* 1999-III, Постановление Европейского Суда по делу «Гутьерес Суарес против Испании» (Gutiérrez Suárez v. Spain) от 1 июня 2010 г., жалоба № 16023/07, § 25, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 141).

113. Необходимо отметить, что существует большое многообразие методов объективного и сбалансированного информирования и что, следовательно,

Европейский Суд не может своим мнением подменять подход прессы к выбору способов и форм распространения информации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Йерсильд против Дании» (Jersild v. Denmark) от 23 сентября 1994 г., § 31, Series A, № 298). Однако свобода средств массовой информации в этой области не безгранична. Средства массовой информации не должны переходить границы, установленные в целях, помимо прочего, «защиты прав и свобод других лиц», и должны соблюдать правила, которые требуют от них добросовестного, основанного на фактах предоставления «достоверной и точной» информации в соответствии с этическим кодексом журналистики (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бедсгард против Дании» (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark), жалоба № 49017/99, § 78, *ECHR* 2004-X, Постановление Европейского Суда по делу «“Таймс Ньюспейперс Лимитед” (№№ 1 и 2)» (Times Newspapers Ltd v. United Kingdom (№№ 1 and 2), жалобы №№ 3002/03 и 23676/03, § 42, *ECHR* 2009-..., и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 141).

114. Европейский Суд также повторяет, что необходимо проводить различие между сообщением, даже противоречивым, о фактах, которое способно внести вклад в дискуссию, имеющую важное значение в демократическом обществе, и низкопробными голословными утверждениями, касающимися чей-то личной жизни (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Армониене против Литвы», § 39). Что касается вклада в публичную дискуссию, исключительная роль средств массовой информации в демократическом обществе и их контрольная функция являются достаточными основаниями для ограничительного толкования любых мер, устанавливающих препятствия для реализации свободы выражения мнений. Однако иной подход должен быть применен к имеющим развлекательный характер публикациям, которые сосредотачивают внимание на сенсационных и порой шекотливых новостях, цель которых состоит исключительно в удовлетворении любопытства, которое определенная группа читателей питает к подробностям личной жизни частных лиц (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии», § 65, Постановление Европейского Суда по делу «Ашетт Филипакки Асосье» (“Иси Пари”) против Франции», § 40, и Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 143). Такие публикации не подпадают под серьезную защиту, которую статья 10 Конвенции гарантирует

¹ В тексте Постановления употреблен термин «public watchdog», что буквально переводится как «общественный сторожевой пес» (прим. переводчика).

средствам массовой информации. В результате в подобных делах свобода выражения мнений должна толковаться ограничительно (см. Решение Европейского Суда по делу «Сосьете Присма Пресс» против Франции» (*Société Prisma Presse v. France*) от 1 июля 2003 г., жалоба №№ 66910/01 и 71612/01, упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии», § 66, Постановление Европейского Суда по делу «Леемпоэль и компания “Эдисон Сине Ревю”» (*Leempoel & S.A. ED. Ciné Revue v. Belgium*) от 9 ноября 2006 г., жалоба № 64772/01, § 77, упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ашетт Филипакши Асосье» («Иси Пари») против Франции», § 40, и упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 143). Европейский Суд, подтверждая предусмотренное статьей 10 Конвенции право граждан на доступ к широкому кругу публикаций, посвященных различным проблемам, подчеркивает, что при оценке – в контексте конкретной публикации – того, существует ли публичный интерес, обосновывающий вмешательство в право на уважение личной жизни, необходимо установить, является ли опубликование информации в интересах общества, а не то, может ли общественность быть заинтересована в ознакомлении с ней.

115. Тот факт, что аудиовизуальные средства массовой информации отличаются от печатных тем, что способны оказывать более непосредственное и серьезное воздействие, широко признан (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йерсильд против Дании», § 31, и Постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (*Peck v. United Kingdom*), жалоба № 44647/98, § 62, *ECtHR* 2003-I). Следовательно, хотя свобода выражения мнений также распространяется и на публикацию фотографий, Европейский Суд напоминает, что последняя представляет собой сферу, в которой защита прав других лиц приобретает особое значение, особенно в случае, если фотографии содержат «информацию» чрезвычайно интимного характера, касающуюся личности, или если они сделаны в частных помещениях при помощи скрытых записывающих устройств (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии», § 59, Постановление Европейского Суда по делу «Ашетт Филипакши Асосье» («Иси Пари») против Франции», § 47, и Постановление Европейского Суда по делу «ЭмДжиЭн Лимитед» против Соединенного Королевства», § 143). К факторам, имеющим значение для определения баланса между соперничающими интересами, относятся содержание фото-

графий, а также вклад, который их публикация может внести в дискуссию, имеющую общественное значение (см. Постановление Европейского Суда «Кроне Ферлаг ГмбХ и Компаньон КГ» против Австрии» (*Krone Verlag GmbH & Co. KG v. Austria*) от 26 февраля 2002 г., жалоба № 34315/96, § 37).

116. Европейский Суд напоминает, что характер и тяжесть санкции, примененной к средству массовой информации в связи с публикацией, являются фактором, который принимается во внимание при оценке пропорциональности вмешательства в осуществление права на свободу выражения мнения (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джейлан против Турции» (*Ceylan v. Turkey*), жалоба № 23556/94, § 37, *ECtHR* 1999-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Лешник против Словакии» (*Lešník v. Slovakia*), жалоба № 35640/97, § 63, *ECtHR* 2003-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Каршаи против Венгрии» (*Karsai v. Hungary*) от 1 декабря 2009 г., жалоба № 5380/07, § 36). Таким образом, Европейский Суд должен проявить чрезвычайную осторожность в случае, когда принятые национальными властями меры или примененные ими санкции способны отвлечь средства массовой информации от участия в обсуждении вопросов, вызывающих легитимный общественный интерес (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йерсильд против Дании», § 35, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпана и Масаре против Румынии» (*Cumprăna and Mazăre v. Romania*), жалоба № 33348/96, § 111, *ECtHR* 2004-XI).

117. Наконец, Европейский Суд подчеркивает, что, несмотря на то, что статья 10 Конвенции не содержит требований против введения предварительных запретов на публикации, опасности, связанные с такими запретами, таковы, что вызывают к тщательному анализу со стороны Европейского Суда. Это тем более верно в отношении средств массовой информации, поскольку новости – скоропортящийся товар, и любое промедление в их обнародовании, пусть и на незначительное время, может сделать их бесполезными и неинтересными (см. упоминавшееся выше Постановление по делу «Обсёрвер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства», § 60). Тем не менее Европейский Суд желает указать, что предварительные запреты проще оправдать в случаях, в которых отсутствует настоятельная потребность в немедленном придании информации гласности и в которых не очевиден вклад публикации в дискуссию, имеющую общественное значение.

*b. Применение общих принципов
к обстоятельствам дела*

118. Как отмечалось выше (см. пункт 106 настоящего Постановления), очевидно, что из требований статьи 8 Конвенции вытекает позитивное обязательство, содержащиеся в обеспечении эффективного пользования правом на уважение личной жизни. Вопрос, подлежащий разрешению в настоящем деле, заключается в том, является ли специфическая мера, на которую ссылается заявитель, а именно правило об обязательном предварительном уведомлении, тем требованием, которое необходимо для исполнения такого обязательства.

119. Европейский Суд, во-первых, желает отметить, что настоящее дело не связано с абсолютным отсутствием мер по защите прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции. В Соединенном Королевстве существует система саморегулирования деятельности средств массовой информации, элементами которой являются положения Редакторского кодекса и приложения к нему, а также контроль над деятельностью журналистов и редакторов, осуществляемый Комиссией по рассмотрению жалоб на средства массовой информации (см. пункты 29–38 настоящего Постановления). Эта система соответствует требованиям Декларации о средствах массовой информации и правах человека 1970 года, а также Резолюций Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 1998 и 2008 годов (см. §§ 55 и 58–59 настоящего Постановления). Комиссия не обладает правом присуждать возмещение вреда, однако существует возможность инициирования гражданско-правового разбирательства в отношении предполагаемого нарушения права на уважение личной жизни, которое в случае успеха может привести к присуждению возмещения вреда. В деле заявителя, например, газета заплатила 60 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации вреда, причиненного заявителю, около 420 000 фунтов стерлингов в качестве возмещения его судебных расходов, а также неустановленную сумму, покрывающую расходы на представительство ее собственных интересов в суде. Европейский Суд полагает, что можно обоснованно заключить, что такие выплаты оказывают благотворное влияние на журналистскую деятельность. Далее, в случае, если лицо знает о предстоящей публикации, касающейся его личной жизни, оно может просить суд о выдаче промежуточного запрета на публикацию. Европейский Суд вновь отмечает, что существование указанных возможностей полностью соответствует требованиям Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 1998 года (см. § 58 настоящего Постановления). Дополнительная защита предоставлена Актом о защите данных 1998 года, который закрепляет право требовать уничтожения или исправления неза-

конно приобретенных или неточных данных (см. §§ 42–45 настоящего Постановления).

120. Далее Европейский Суд отмечает, что в рассмотренных ранее делах, касающихся мер по защите предусмотренных статьей 8 Конвенции прав в контексте свободы выражения мнений, он выразил однозначную позицию, что возмещение вреда *ex post facto*¹ является адекватным средством правовой защиты в делах, в которых нарушение указанных прав связано с газетной публикацией информации личного характера. Так, в указанном выше Постановлении по делу «Фон Ганновер против Германии» Европейский Суд сосредоточил свой анализ на том, установили ли национальные суды, рассматривавшие гражданский иск в отношении опубликованной информации личного характера, справедливый баланс между соперничающими интересами. В указанном выше деле «Армониене против Литвы» суть жалобы в связи с разглашением информации о том, что супруг заявительницы болен ВИЧ, сводилась к «неоправданно низкой сумме» компенсации, присужденной в результате гражданско-правового разбирательства за серьезное нарушение неприкосновенности личной жизни. Европейский Суд в ряде случаев высказывался о том, что в целях исполнения позитивного обязательства по статье 8 Конвенции необходима более серьезная санкция, нежели присуждение гражданско-правовой компенсации вреда, однако решающим фактором для такого вывода являлся характер нарушения статьи 8. Так, в своем Постановлении по делу «X. и Y. против Нидерландов» ((X. and Y. v. Netherlands) от 26 марта 1985 г., § 27, Series A, № 91) Европейский Суд подчеркнул необходимость уголовной ответственности в целях пресечения преступления, которое состояло в изнасиловании шестнадцатилетней умственно отсталой девушки. В Постановлении по делу «K.Y. против Финляндии» ((K.U. v. Finland) от 2 декабря 2008 г., жалоба № 2872/02, §§ 46–47) Европейский Суд счел, что возможность истребовать убытки с интернет-провайдера была адекватной мерой в случае, когда невозможно было установить лицо, разместившее от имени заявителя, которому в то время было 12 лет, объявление на сайте знакомств, и таким образом подвергшее его риску сексуального насилия.

121. В настоящем деле Европейский Суд должен решить, несмотря на подход, продемонстрированный им в более ранних делах, касавшихся нарушений средствами массовой информации права на уважение личной жизни, является ли правило о предварительном уведомлении необходимым – с

¹ *Ex post facto* (лат.) – после факта, ретроспективно (*прим. переводчика*).

точки зрения требований статьи 8 Конвенции – для обеспечения эффективной защиты права на уважение личной жизни. В ходе такого исследования Европейский Суд в первую очередь рассмотрит вопрос о свободе усмотрения, которой в этой сфере располагает государство-ответчик (см. §§ 108–110 настоящего Постановления), и, во вторую очередь, оценит характер и потенциальную эффективность правила, о введении которого ратует заявитель. Конкретные факты настоящего дела являются для Европейского Суда основой для решения, однако последствия любого требования о предварительном уведомлении с необходимостью простираются за пределы настоящего спора. Каким бы исключительным ни было настоящее дело, Европейский Суд не должен упускать из вида характер обязательства, которое заявитель желает закрепить за государством. В частности, его [обязательства] последствия для свободы выражения мнений не ограничиваются скандальными материалами, как в деле заявителя, но также распространяются и на репортажи о политической жизни, и серьезные журналистские расследования. Европейский Суд напоминает, что введение ограничений в отношении последней категории журналистской деятельности требует тщательного контроля.

i. Свобода усмотрения

122. Европейский Суд напоминает, во-первых, что жалоба заявителя касается позитивного обязательства по статье 8 Конвенции и что государство-ответчик в принципе располагает широкой свободой усмотрения (см. пункт 108 настоящего Постановления). Таким образом, для настоящего дела важно, что государство-ответчик избрало систему установления баланса между конфликтующими правами и интересами, элементом которой предварительное уведомление не является. Также важно, что комитет Палаты общин недавно провел расследование, в ходе которого им были получены письменные замечания и заслушаны показания ряда заинтересованных лиц, включая заявителя и редакторов газет. В докладе специальная комиссия отклонила аргумент о том, что предварительное уведомление было необходимо для обеспечения эффективной защиты права на уважение личной жизни (см. § 54 настоящего Постановления).

123. Во-вторых, Европейский Суд отмечает, что дело заявителя касается публикации интимных подробностей его сексуальной жизни, что обычно должно привести к сужению свободы усмотрения государства-ответчика (см. § 109 настоящего Постановления). Однако интимный характер информации, ставшей достоянием общественности в настоящем деле, не может оказать существенное ограничительное влияние на свободу усмотрения,

которой государство располагает в этой сфере, принимая во внимание тот факт, что, как было указано выше (см. § 121 настоящего Постановления), введение требования о предварительном уведомлении будет иметь последствия, выходящие за пределы обстоятельств дела заявителя.

124. В-третьих, Европейский Суд подчеркивает существующее в государствах-участниках многообразие подходов к определению баланса между конфликтующими интересами уважения личной жизни и свободы выражения мнений (см. § 62–63 настоящего Постановления). К тому же заявитель не смог указать ни одного государства, в котором законодательство предусматривает предварительное уведомление как таковое. Следовательно, если консенсус между государствами-участниками существует, то он свидетельствует, скорее, об отказе от требования о предварительном уведомлении. Европейский Суд отмечает, что в ряде государств требуется согласие героя статьи, прежде чем материалы, касающиеся частной жизни, могут быть опубликованы. Однако он не убежден, что необходимость получения такого согласия в некоторых государствах может рассматриваться в качестве доказательства существования европейского консенсуса относительно предварительного уведомления. Заявитель также не смог привести ни одного международно-правового документа, который бы обязывал государства-участников предусмотреть требование о предварительном уведомлении. Верно также и то, что, как Европейский Суд отметил выше (см. § 119 настоящего Постановления), существующая в настоящий момент в Соединенном Королевстве система полностью соответствует резолюциям Парламентской Ассамблеи Совета Европы (см. §§ 56–59 настоящего Постановления). Европейский Суд, таким образом, приходит к выводу о том, что свобода усмотрения государства-ответчика в настоящем деле является широкой.

ii. Характер и потенциальная эффективность требования о предварительном уведомлении

125. Заявитель утверждал, что обязанность предварительного уведомления должна возникать в случае, касающемся любого аспекта личной жизни. Она, следовательно, не будет ограничиваться случаями предполагаемого обнародования интимных или сексуальных подробностей личной жизни. Эта обязанность как таковая по своему характеру должна быть относительно широкой. Несмотря на беспокойство, выраженное властями Соединенного Королевства и третьими сторонами (см. §§ 89, 94, 97 и 101 настоящего

Постановления), Европейский Суд полагает, что газеты и журналисты достаточно хорошо понимают содержание понятия «личная жизнь», и они способны определить случаи, в которых публикация может нарушить право на уважение личной жизни. Специфические проблемы могут возникнуть в контексте публикации фотографий больших скоплений людей, однако такие случаи можно подходящим образом законодательно урегулировать. Европейский Суд считает, следовательно, что может быть найдено удовлетворительное определение для категории лиц, охватываемых указанным требованием. Например, возможным представляется решение, при котором соответствующая обязанность будет распространяться на лица, подпадающие под действие Редакционного кодекса.

126. Тем не менее Европейский Суд считает, что сомнения в практической эффективности требования о предварительном уведомлении не являются не обоснованными. Необходимо рассмотреть два соображения. Во-первых, достаточно широко признается, что из правила о предварительном уведомлении должно быть сделано исключение для случаев, в которых может быть продемонстрирован «общественный интерес» (см. §§ 83, 89, 94, 97 и 102 настоящего Постановления). Следовательно, газета может предпочесть не уведомлять героя публикации, если полагает, что она впоследствии сможет оправдать свое решение «общественным интересом». Европейский Суд считает, что – во избежание серьезного охлаждающего воздействия на реализацию свободы выражения мнений – средства массовой информации для обоснования отказа в предварительном уведомлении достаточно располагать разумной уверенностью в том, что обнаружение материала было в интересах общества, даже если впоследствии суд признает, что такой «общественный интерес» отсутствовал. Стороны выразили различные мнения о том, должно ли понятие «общественный интерес» ограничиваться специфическим общественным интересом в отказе от уведомления (например, в случае существования угрозы уничтожения улик) или должно включать в себя общий публичный интерес в обнаружении материала. Европейский Суд считает, что узко понимаемое исключение увеличит охлаждающее воздействие требования о предварительном уведомлении.

127. В настоящем деле газета полагалась на то, что журналист и редактор считали, что сексуальные действия, в которых принимал участие заявитель, имели нацистские мотивы. Соответственно они утверждали, что публикация материала была обоснованной с точки зрения общественного интереса. Судья Д. Иди подверг критике случай-

ный и опрометчивый характер выводов сотрудников газеты «Ньюз оф зе уорлд» о нацистских мотивах поведения заявителя, однако он отметил, что существовали различные подходы к оценке «общественного интереса», и заключил, что не может согласиться с тем, что журналист и редактор должны были в тот момент знать, что их аргумент о наличии общественного интереса, оправдывающего публикацию, суд не признает достаточным для освобождения газеты от ответственности (см. §§ 23–24 настоящего Постановления). Таким образом, в настоящем деле маловероятно, чтобы – даже при существовании на момент оспариваемого решения обязательного правового требования о предварительном уведомлении, – «Ньюз оф зе уорлд» отказалась бы от тактики уклонения от уведомления, полагаясь на основанное на общественном интересе исключение, оправдывающее обнаружение материалов.

128. Во-вторых, что гораздо существеннее, любое требование о предварительном уведомлении эффективно, только если санкции, предусмотренные за его нарушение, серьезны. Гражданско-правовая санкция, если только она не носит характер наказания, вряд ли остановит газеты от практики публикации интимных подробностей жизни без предварительного уведомления. Несомненно, в настоящем деле стремление избежать судебного запрета являлось одной из основных причин (если не единственной причиной) уклонения от получения комментариев заявителя (см. §§ 21 и 52 настоящего Постановления). Таким образом, газета «Ньюз оф зе уорлд» предпочла столкнуться с вероятностью подачи заявителем гражданско-правового иска в отношении опубликованной статьи, а также связанной с этим вероятностью уплаты возмещения вреда. В любом возможном деле, на которое распространялось бы требование о предварительном уведомлении, газета могла бы поступить аналогичным образом и воздержаться от уведомления, предпочтя последующую возможность уплаты штрафа *ex post facto*.

129. Несмотря на то, что штрафы, имеющие характер наказания, или уголовные санкции могут быть эффективными с точки зрения достижения цели соблюдения требования о предварительном уведомлении, Европейский Суд считает, что они могут вступить в противоречие со статьей 10 Конвенции. В этой связи он напоминает о необходимости проявлять осторожность при оценке ограничений, которые могут иметь действие, аналогичное цензуре в отношении неопубликованного материала. Европейский Суд убежден, что угроза уголовных санкций или штрафов, имеющих характер наказания, создаст эффект охлаждения, который затронет сферы политического репор-

тажа и журналистские расследования – те формы реализации свободы прессы, которые находятся под особой защитой Конвенции.

iii. Вывод

130. Как указано выше, стратегия действий, к которой прибегла газета в деле заявителя, подлежит жесткой критике. Газета «Ньюз оф зе уорлд» не только обнародовала статьи о подробностях сексуальной жизни заявителя, но и опубликовала полученные в тайне от него фотографии и видеозапись, что, несомненно, имело гораздо больший разрушительный эффект, нежели статьи как таковые. Несмотря на активные действия заявителя, предпринятые им в ряде стран, к этим фотографиям и записи можно по-прежнему получить доступ в сети «Интернет». Европейский Суд не видит никакой дополнительной ценности в обнародовании аудиовизуального материала (см. § 115 настоящего Постановления): последний был включен в репортаж газеты «Ньюз оф зе уорлд» только лишь для того, чтобы раззадорить публику и создать серьезные трудности заявителю.

131. Европейский Суд, как и Парламентская Ассамблея Совета Европы, считает, что личная жизнь публичных лиц стала для отдельного сегмента прессы предметом чрезвычайно выгодной купли-продажи (см. § 57 настоящего Постановления). Обнародование новостей о таких лицах дополняет богатую по своему содержанию и характеру информацию, доступную публике, и – хотя она в основном преследует цели развлечения, а не просвещения – находится под защитой статьи 10 Конвенции. Однако, как отмечалось выше, такая защита может уступить требованиям статьи 8, если публикуемая информация носит личный и интимный характер, и общественный интерес в ее обнародовании отсутствует. В этой связи Европейский Суд отмечает

рекомендацию комитета Палаты общин о внесении поправок в Редакторский кодекс, обязывающих журналистов уведомлять героев статей до их публикации, за исключением случаев, в которых общественный интерес требует иного (см. § 53 настоящего Постановления).

132. Однако Европейский Суд уже не раз упомянул о необходимости выйти за пределы обстоятельств настоящего дела и рассмотреть общий характер последствий применения правила о предварительном уведомлении. При этом не следует выпускать из вида, что требования статьи 10 Конвенции предоставляют незначительную свободу при введении ограничений на право средств массовой информации публиковать материалы, вносящие вклад в дискуссию, имеющую общественное значение. Таким образом, приняв во внимание потенциальное охлаждающее воздействие требования о предварительном уведомлении, серьезные сомнения в эффективности последнего, а также широкую свободу усмотрения государства в этой сфере, Европейский Суд пришел к выводу, что положения статьи 8 Конвенции не требуют обязательного предварительного уведомления. Соответственно, Европейский Суд заключает, что отсутствие такого требования в законодательстве Соединенного Королевства не составило нарушения статьи 8 Конвенции.

На основании изложенного Суд единогласно:

- 1) *объявил* жалобу приемлемой;
- 2) *постановил*, что отсутствует нарушение статьи 8 Конвенции.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 10 мая 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Лоуренс ЭРЛИ
Секретарь
Секции Суда

Лех ГАРЛИЦКИЙ
Председатель
Палаты Суда